

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2004

Содержание

1. IMAGINE...
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ДОСТОЕВСКИЙ — ЭТО ЧАСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ
4. ПРОРОЧЕСТВО, ОБРОСШЕЕ ПЛОТЬЮ
5. ПОЛЬСКОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО 1971-2003
6. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
8. МЕЖДУ УРАЛОМ, ПЕТЕРБУРГОМ И КРАКОВОМ
9. ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

IMAGINE...

(В подзаголовке содержится отсылка к книге Алена Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма» (1977), которую, пользуясь случаем, весьма рекомендую.)

Среди многих популярных утопических образов самый легко узнаваемый, лаконичнее всего выражающий и вернее всего отражающий мечты и идеалы целого поколения, содержится сегодня в популярной песне Джона Леннона «Imagine» [«Вообрази»]. В ней предсказана окончательная победа стражей политкорректности: победа идеологии над здравым разумом, интеллектом, языком, над историей, наукой и фактами — над человеком и свободой.

Напомню содержание песни Леннона: *«Imagine there's no heaven... No hell below us, / Above is only sky... Imagine all the people living for today... Imagine there's no countries... Nothing to kill or die for, / No religion too. Imagine no possessions... No need for greed or hunger, / A brotherhood of man... Imagine all the people / Sharing all the world...»* [«Вообрази, что нет ни небес... ни ада под нами, / Над нами просто небо... Вообрази всех людей, живущих сегодня... ни стран... и ничего, за что стоит убивать или умирать, / Никакой религии... Вообрази, что нет собственности... Нет нужды алкать или голодать, / Братство человека... Вообрази, что все люди владеют всем...»].

Признаюсь, я вообще не хотела бы воображать всех людей разом. Если уж необходимо их вообразить, то предпочитаю по отдельности, индивидуально. Однако «всех людей» невозможно вообразить индивидуально: такое представление предполагает, что мы видим их как целое, притом абстрактное целое, что уже само по себе несет мощные идейные последствия. А вообразить всех людей в таком утопическом мире — это вызывает ужас. И не только потому, что образ мира без стран, без религии, без ценностей, за которые стоит убивать или умирать, без небес и ада, без собственности, — это образ, веющий жуткой пустотой, и не только потому, что дрожь пробирает при мысли о том, как — с помощью каких репрессий — можно было бы (гипотетически) достичь такой утопии, противоречащей человеческой природе, и кто бы ее поддерживал. Но еще и потому, что как раз такая в общих чертах утопия, похоже, широко входит в чаяния XXI века, особенно в новой Европе.

Что общего у этой картины с политкорректностью?

Политкорректность выросла из той же утопии и на той же почве: американского движения протеста молодежи 60-х — «детей-цветов». У нее много общего с другими движениями, модами и идеологиями, которые черпают из тех же истоков, в частности с феминизмом, антиглобализмом, экологизмом, так называемой философией «Нью эйдж». Она так же абстрактна и так же бездумна; вырастает из того же чистого, инфантильного идеализма, в котором нет ни тени иронии; так же не задумывается над тем, возможно ли осуществить ее идеалы, над тем, что несут они с собой, и над практическими последствиями деяний, которые рекомендуются или прямо требуются во имя этих идеалов. Все высказывания и поступки, запреты, предписания, осуждения и интеллектуальные моды, которые мы воспринимаем как политкорректные, вдохновляются этой картиной.

Политкорректность воображает всех людей разом и говорит: мы все равны. С любой точки зрения. Но, как это случается в утопиях, есть и те, кто равнее. Например, женщины. И опять-таки — не все, а только верно мыслящие, обладающие правильным феминистическим сознанием. Или народы, которые никогда ничего не достигли, зато ненавидят западные ценности. Нельзя говорить (как это сделал несколько лет назад Сол Беллоу в своей лекции в Гарвардском университете), что у зулусов никогда не было Достоевского. У них свои традиции, и даже еще лучше, а вдобавок Достоевский — мертвый белый самец и как таковой заслуживает вечного осуждения.

Дальше: неграмотные. Глупых нет — есть только умные по-иному. У каждого своя собственная истина, такая же важная, как всякая другая (хотя некоторые — важнее), и сформированная в силу того, каков он. Того, что называют объективной истиной, не существует; это — авторитарное понятие, вымышленное и навязанное западной цивилизацией, чтобы угнетать «слабейших». Каждый имеет право на высшее образование, особенно если не умеет ни читать, ни писать и умственно неполноценен. А если вдобавок это негр-итянка-лесбиянка, то дать ей кафедру. В любой школе (особенно в Англии) должны быть специальные занятия для детей, у которых трудности с чтением, письмом, вниманием, которым трудно не воровать, не приносить в школу огнестрельное оружие и не нападать на учителей. Уроками для детей, у которых таких трудностей нет, можно будет когда-нибудь заняться, если найдутся время и деньги. В каждой школе также должны вестись уроки по-арабски и на суахили, но, упаси Боже, нельзя заставлять детей говорить на языке страны, в которой

они живут, — это было бы расизмом, оскорблением их достоинства, отрицанием ценности их культуры и ограничением их свободы. Экзамены — элитарный метод репрессии. Факты нерелевантны. Всякие религиозные символы должны быть в школах запрещены (особенно ясли на Рождество), разве что кроме исламских, ибо ислам — религия мирная, которая справедливо осуждает то, что подлежит осуждению, прежде всего узкие, элитарные, империалистические и расистские ценности западной цивилизации. Всем нелегальным иммигрантам следует немедленно дать документы, гражданство и право голоса, а главное, право публично выражать ненависть к принявшей их стране. Капитализм, Америка, Израиль, колониализм, большой бизнес и глобализация — абсолютное зло, источник всех наших несчастий.

Каждый имеет право на исполнение всех своих чаяний, а точнее, имеет право требовать от государства, чтобы оно их исполнило; каждый имеет право на самовыражение (но не на свободу слова); каждый определяется своей принадлежностью к той или иной группе — сексуальной, социальной, религиозной, этнической; каждая такая группа, если она составляет меньшинство, имеет право требовать от государства привилегий. Единственное решение всех проблем: школ, университетов, нужды, больниц, голода в Третьем мире — неустанно и обильно вкладывать средства, но исключительно государственные, собранные с налогоплательщиков, и не следует вникать в то, как они расходуются, особенно в Третьем мире и особенно попав в руки диктаторов, которые прямо невероятно заботятся о своем населении и, разумеется, никогда не располагали никаким ядерным, биологическим или химическим оружием.

Единственная справедливая война — та, которую поддерживают представители африканских марксистских диктатур в ООН, а также Россия, Франция, КНР и Сирия. Президент Буш — опасный дурачок во главе империалистического государства, которое угрожает миру во всем мире. Надо осуждать все формы расизма, но в первую голову — израильтян. Источник терроризма — это, как всем совершенно ясно, нищета в Третьем мире (созданная американской алчностью), а также Израиль и конфликт на Ближнем Востоке. И так далее.

(Отступление: вчера в Париже прошла демонстрация против войны с Ираком. Плакаты требовали «справедливости в Палестине». Я задумалась над их логикой: если справедливости

в Палестине нет, то война с Ираком безнравственна? Или, если бы в Палестине была справедливость, война с Ираком не была бы нужна, так как он никому не угрожал бы? Так и не знаю.)

Политкорректность твердит это в школах и университетах, в ходе политических и парламентских дебатов; говорит о терпимости (но только к правильно мыслящим) и многокультурности (которая должна служить только антизападным культурам и гнать нашу собственную), о разнородности (см. выше), о справедливости (но только социальной), о совести (но только общественной), о правах личности (но никогда — об обязанностях), о демократии (которая означает то же, что и права личности, особенно права личностей, принадлежащих к определенным группам), о диалоге (всегда «мирном», особенно с Арафатом и Саддамом Хусейном). Она говорит обо всем этом во имя утопической картины, где нет нужды, где все равны и свободны, не стеснены ни историей, ни традициями, ни религией. На практике все это переводится в нетерпимость, невежество, ненависть, презрение, зависть, ограничение свободы и цензуру.

Некоторые из названных здесь и далее мнений и образов мыслей экстремальны — их поддерживают только фанатичные идеологи политкорректности; но, пожалуй, они не могли бы существовать в изоляции от всего остального. Другие более распространены и даже обязательны среди левой элиты — и прекрасно могут существовать изолированно. Можно, например, искренне не любить Буша или Шарона, искренне поддерживать палестинские претензии на собственное государство, даже искренне верить, что дети в Ираке умирают из-за западного эмбарго, а не потому, что всю гуманитарную помощь — лекарства и продовольствие — разворовывает Саддам Хусейн, и не верить во все остальное. При этом спокойно можно быть как левым, так и правым. Можно без политкорректности поддерживать — искренне, обдуманно, или бездумно, по наивности, под влиянием пропаганды, или же из снобизма, конформизма, желания следовать моде и т.п. — самые различные отдельные взгляды, входящие в политкорректную идеологию. Можно также, поддерживая их, не сознавать, что они часть этой идеологии.

Я отнюдь не пытаюсь внушить, что все без исключения взгляды, которые входят в эту идеологию, неизбежно или по определению ложны. Я лишь констатирую, что они составляют ее часть.

Воображать себе всех разом — одно из излюбленных занятий либералов (здесь и далее я употребляю это слово в его

американском понятии). Это можно было бы даже выдвинуть как основную часть предварительного, упрощенного определения либерала. Склонность к такому представлению вытекает из либеральной картины человеческой природы — картины внеисторической, абстрактной, контрактарианской. Либерализм как бы по определению воображает всех вместе, в то время как консерваторы, у которых картина мира и человеческой природы носит исторический характер, скорее избегают этого. Можно было бы осмелиться сделать даже более широкое предположение, а именно: консерватор вообще не любит что бы то ни было воображать — он предпочитает вырабатывать отношение к тому, что есть и что он видит, в то время как либерал непрерывно что-то воображает. В этом есть доля правды, если можно в общих чертах сказать, что либеральная мысль абстрактна и универсальна, а консервативная — практична и индивидуальна. Либерализм легко может превратиться в идеологию, консерватизм — с трудом, так как идеология ему по определению чужда.

Политкорректность на всех уровнях: как черта отдельных мнений, как черта политики государства в различных сферах, как черта общего мировоззрения и, наконец, как черта языка — корнями уходит в либеральную мысль и дух, даже если сильно от них отдаляется, а то и прямо противоречит духу либерализма. Это своего рода фетишизация либерализма, ведущая (неизбежно, как всякая фетишизация) к измене ему. Она исходит, как и либерализм, из эгалитарной картины, но на практике оказывается крайне неэгалитарной и антидемократичной. Она обладает некоторой абстрактной моделью мира, которую хотела бы реализовать, но когда в заботе о судьбе и правах отдельных групп выделяет их как нуждающихся в привилегированном отношении, то забывает об универсализме, в который уходит корнями, вследствие чего поведение, которое она хочет навязать, часто вступает в противоречие с принципами модели, во имя которой якобы она действует. Отсюда возникают противоречия, часто поразительно схожие с теми, какие выступают между провозглашаемой идеологией и практикой коммунизма.

Одно из важнейших проявлений этой неэгалитарности — как раз политика отождествления человека с группой: «геттоизация» этнических групп во имя их свободы и достоинства; необучение их — во имя «антирасизма» — языку страны (многочисленные примеры тому встречаются в Англии); селективный запрет на религию в школах (тоже в Англии); гонения — во имя «антиэлитаризма» — на школы, которые благодаря дисциплине, поддержанию авторитета

учителей и традиционным методам обучения достигают хороших результатов. Недавно громкую известность получила история с такой школой (государственной) в Бретани: французские либералы протестуют против ее элитарности, но одновременно — видя, что творится в более политкорректных школах, а частные школы из принципа не признавая, — потихоньку записывают в нее своих детей. Это знаменательные для политкорректности примеры того, как отнимают свободу и шансы во имя свободы и «прав». Примером может служить также требование особых прав и привилегий для отдельных этнических групп во имя нанесенного им в прошлом ущерба. Противоречие с либерализмом иллюзорно, ибо хотя все вышеназванные позиции и действия противоречат либеральным принципам, они в каком-то смысле согласуются с либеральной совестью, хвальнойся, что она чувствительна к чужим несчастьям.

Важная и тоже поразительная черта политкорректности — полное презрение к фактам и равнодушие к практическим результатам действий, осуществления которых ее носители домогаются, притом во всех областях. Не имеет значения, что антиглобализм по существу удерживает Третий мир в нищете и беспомощности и — во имя благочестивой цели избежать «эксплуатации» бедных народов богатыми — закрывает их продукции доступ на рынок; неважно, что нет никаких доказательств вреда от генетически модифицированных продуктов, что их запрет (во имя «устойчивого развития») углубляет нищету в Третьем мире и что псевдонаучные аргументы об их вредности очевидно абсурдны; что за лозунгом «устойчивого развития» таится тот же протекционизм, что и за лозунгом «антиглобализма», совершенно игнорирующий действительность и не позволяющий никакого развития; что во имя «антирасизма» и отказа от «расового профилирования» в аэропортах и других местах обыскивают — в рамках борьбы с терроризмом — главным образом пожилых монахинь, но, упаси Боже, не людей арабского вида; что в Англии, страдающей катастрофической нехваткой медсестер и врачей, 18 тысяч кандидатов на рабочие места в больницах должны будут пройти обследование на ВИЧ-инфицированность, ибо ограничить обследование людьми из африканских стран — а речь идет о них, так как они составляют группу риска, — было бы расизмом. Неважно, что школы, проводящие политкорректную политику обучения, выпускают неграмотных. Неважно, что уровень экзаменов на аттестат зрелости в головокружительном темпе падает (ибо во имя антиэгалитаризма мы его снижаем); мы утверждаем, что он, наоборот, просто небывало возрос, в доказательство чего

гордо приводим цифры постоянно растущей доли детей, которые эти экзамены сдали. Неважно, что из-за неадекватной школьной подготовки уровень образования в университетах (о котором мы тоже говорим, что он возрос) на первом курсе примерно такой (в Англии, во Франции, в США, особенно в гуманитарных дисциплинах), каким он был тридцать лет назад в средней школе. Во имя «широкого доступа» в университеты и «релевантности» изучаемых предметов мы снижаем этот уровень почти до нуля, перестаем учить чему бы то ни было, а рост числа выпускников с дипломами (вследствие этого не имеющими никакой ценности) считаем огромным успехом. И так далее.

Недавно я читала отчет об обучении географии в английских школах. На уроках географии главные темы — «Окружающая среда, устойчивое развитие и культурная ерпимость»; учителя «говорят учащимся, что те должны думать о глобальном потеплении и эксплуатации менее развитых стран большим бизнесом. К каждой проблеме есть только один правильный подход, других толкований нет»; «дети получают много знаний о загрязнении окружающей среды и об эксплуатации, но не о реках и горах, государствах и столицах и не о том, что где расположено. Под конец средней школы дети не умеют найти на глобусе Африку».

О политкорректности в последнее время много говорят и в Польше. Те, кого обвиняют в ее исповедании или в исповедании взглядов, в нее входящих, часто возмущаются, говоря, что это пустые слова без всякого связного содержания. Они утверждают, что либо того, что называют политкорректностью, вообще не существует, либо же это всего лишь вежливая манера говорить, а не идеология. Утверждают, что люди, которые пользуются этим понятием, поступают непорядочно: бросают его как ругательство, чтобы осудить все, что им по тем или иным причинам не нравится.

Конечно, в некотором смысле они правы. Трудно возразить против того, что каталог примеров политкорректности, который я здесь привожу, — это одновременно полный перечень того, что мне больше всего не нравится. (А это, разумеется, побуждает писать, ибо кто же откажется составить такой каталог?) И если бы в него входили такие вещи, как нелюбовь к креветкам, колбасе, кошкам или отпускам на берегу моря, ни у кого не было бы причины ни заинтересоваться этим, ни считать такой список возмутительным. Не люблю, не нравится, и ладно; хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Однако речь идет о вещах не такого типа, как нелюбовь к

креветкам. Это не случайный список — есть нечто важное, объединяющее все эти вещи. И отвращение к ним отличается от отвращения к креветкам так, как отличается от него отвращение к коммунизму, фашизму, антисемитизму, расизму, слепому фанатизму и лицемерию. Это не чисто эстетическое отвращение к окостенелой, абсурдной новоречи, а нравственное и интеллектуальное отвращение к туманному, нечестному мышлению; к всеобъемлющим теориям и обобщениям; к бездумным и одновременно безжалостным попыткам заняться инженерией человеческих душ; к централизации, цензуре, диктату, запретам, принуждению и гомогенизации. Примеры в этом каталоге — это примеры позиций, мнений и действий, которые я не люблю за то, что они оскорбляют и унижают; ибо хотят ограничить мою свободу, одновременно утверждая, что одаряют меня просто небывалой свободой; ибо поработщают язык и манипулируют им; ибо презирают историю, традиции и факты; ибо разрушают образование; ибо хотят навязать мне «единственно верные» взгляды и образ мыслей; ибо стремятся воплотить в жизнь некую утопическую, абстрактную картину человеческого счастья, которой всё подчиняют и которая должна определять мое поведение. Не люблю я их еще и потому, что часто они проникнуты цинизмом и ложью. Ибо если существуют, как я подчеркивала выше, искренние и полные доброй воли исповедники разных мнений, входящих в число политкорректных, то немало и тех, к кому ужасно подходит спародированный Маяковский: «Мы говорим партия — подразумеваем Ленин, говорим Ленин — подразумеваем партия, и так все время говорим одно, а подразумеваем другое».

Думаю, что, когда мы говорим о политкорректности, все, включая обвиняемых в таковой, прекрасно знают, о чем идет речь. Верно, однако, что не существует определения ее содержания. Действительно нелегко выделить, что общего между теми разнообразными и бесчисленными ее примерами, какие мы все без труда и колебаний можем привести. Можно, однако, — и, пожалуй, нужно — попытаться определить, в чем тут дело, и постараться объяснить, почему это явление возбуждает недоверие. Поэтому я хотела бы предпринять предварительный опыт такого, весьма общего определения.

Говоря о политкорректности, я имею в виду эту идеологию в целом и тех, кто признаёт некоторое множество ее основных принципов; я имею в виду не отдельные взгляды и людей, придерживающихся тех или иных взглядов, входящих в это множество. Следует также отметить, что политкорректность в

Польша несколько отличается — в деталях содержания — от французского, английского или американского вариантов (которые тоже отличаются друг от друга) и что примеры, которые я здесь привожу, относятся главным образом к этим последним. Некоторые из них в Польше вообще не встречаются или встречаются в более слабой форме, и наоборот. В конце я вернусь к этому отличию. Существует, однако, основной стержень взглядов, которые определяют эту идеологию.

Предварительное определение могло бы звучать так: политкорректность — идеология левая; эгалитаристская и антиэлитарная; враждебная культуре и ценностям Запада; догматическая и нетерпимая, хотя и провозглашающая терпимость; тоталитарная, ибо желает подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; делящая общество на группы, которые становятся группами с собственными, обособленными интересами; характеризующаяся презрением к людям, фактам и уму и в то же время провозглашающая своей целью справедливость и благо человечества. Название происходит из Оруэлла и соотносится с коммунистической верностью единственной партийной истине.

Трудно не увидеть некоторого ее сходства с коммунистической идеологией. Отдельные элементы этого сходства существенны и поразительны. Однако важно то, чем политкорректность отличается. Самые главные отличия следующие. Во-первых, хотя политкорректность служит (якобы служит) преследуемым, это уже другие, иного рода преследуемые. Это группы, которые она признаёт дискриминируемыми и маргинализируемыми — по своим собственным критериям и в своем собственном, весьма особом значении этих слов — и которые разделяют идеологию политкорректности. (Об руку с этой селективностью естественно идет полное пренебрежение результатами своей деятельности, часто вредной и для тех групп, во имя которых эта деятельность предпринимается.) Во-вторых, она считает принадлежность к той или иной группе основополагающим критерием самоопределения. В-третьих, императив подчинения политкорректности и ее навязывания — часть самой идеологии. Иначе говоря, эта идеология содержит в себе метаидеологию. Наконец, политкорректность отрицает свое существование — в качестве идеологии или же вообще. Она скрывает сам факт, что она есть идеология, — притворяясь, что она всего лишь вопрос языковой вежливости и что ни о какой идеологии не может быть и речи. Лиса в курятнике? Какая лиса? Здесь никого нет кроме кур.

Утверждать, будто политкорректность — это всего лишь язык и вежливость, — то же самое, что утверждать, будто оруэлловская новоречь — всего лишь язык: что называть рабство свободой, принуждение — свободным выбором, ложь — правдой, подавление — заботой, перераспределение — справедливостью, лицемерие — честностью, ненависть к Западу — терпимостью, унижение и геттоизацию этнических меньшинств — многокультурностью, антисемитизм — заботой о судьбе палестинцев, протекционизм — заботой о Третьем мире, запреты — правами, оскорбление — достоинством и невежество — знаниями, что все это значит лишь употреблять вежливые речевые формулировки. А те, кто вводит политкорректность в язык (особенно в Польше — за ее пределами это происходит реже) и защищают этот язык как форму вежливости, одновременно возмущаются, что над ней насмехаются или пренебрегают ею. Но если они возмущаются насмешками и пренебрежением, то должны исходить из того, что их заявления, будто речь идет только о языке, приняты за чистую монету. Что и было их целью. Так нет, одновременно они возмущаются, что к ним не относятся всерьез. Если же к политкорректности относиться всерьез, с недоверием, достойным дела опасного, они опять возмущаются: мы, мол с ума сошли, впали в истерику — речь же идет только о языке, чего ж так волноваться? Так как же нам относиться к политкорректности, если нельзя ни всерьез, ни несерьезно? Остается, выходит, только согласиться с ней. Этого-то они и добиваются!

Подобные безвыходные ловушки подстерегают и внутри содержания отдельных политкорректных взглядов. Так обстоит дело, например, с политкорректным отношением к Америке — то есть осуждением ее. Америка выиграть никак не может: если она отказывается вмешиваться в дела других стран — например, в войны за границей, которые поддерживает Европа, — то этот отказ осуждается как наглость и изоляционизм; если же она во что-то за границей втягивается — например, в войны, которых Европа не поддерживает, — это осуждается как империалистическая агрессия и интервенция. Так обстоит дело и с некоторыми основополагающими ценностями западной цивилизации, такими, как истина, разум, наука, традиции рационализма. Все эти ценности политкорректность хотела бы подорвать и отвергнуть; и неизвестно, как с нею спорить, ибо спорить можно только на основе того, что как раз и отвергается: на основе уверенности в том, что существует нечто, называемое объективной истиной. А веру в объективную истину политкорректность осуждает как апелляцию к западным

ценностям. Понятие объективной истины — понятие авторитарное, насильственно навязанное западной цивилизацией в целях угнетения «слабых».

Политкорректность содержит еще один «метаслой»: она очень любит (когда воображает всех разом) ссылаться на то, что называет «всеобщим либеральным согласием» (liberal consensus). Это уверенность в том, что а) все приличные люди согласны с основополагающей либеральной идеологией; б) каждый, кто с ее содержанием не согласен, заслуживает вечного осуждения; в) каждый, кто отрицает, что такое всеобщее согласие существует, тоже заслуживает вечного осуждения. Если мы ищем лаконичное определение политкорректности, может быть, с этого и надо начать: идеология, которая предписывает веру во всеобщее либеральное согласие. «Метаизмерение» проявляется даже в основополагающей для политкорректности политике группового самоопределения: группы, заслуживающие поддержки, — это те, что одобряют либеральную идеологию.

К вышеприведенному предварительному определению можно, следовательно, добавить: «отрицающая, что она — идеология» (или попросту: «отрицающая свое существование как идеологии») и «предписывающая веру во всеобщее либеральное согласие».

Другая важная черта политкорректности — уверенность, что единственная настоящая власть — это государство и что оно должно законодательно регулировать все сферы жизни, вплоть до семьи. В Англии, например, на волосок не прошел закон, запрещающий родителям шлепать своих детей.

Политкорректность верит в необходимость вмешательства государства во все области и желала бы законом запретить все, что считает неправильным. Но очень многое из того, что она считает неправильным, она считает таковым не само по себе, а по той причине, что оно не согласуется с некой более широкой, абстрактной и более основополагающей идеологической посылкой. Политкорректные хотели бы запретить родителям шлепать детей не потому, что детям от этого плохо — в конце концов у нас уже немало законов, запрещающих дурное обращение с детьми, но потому, что они хотели бы не только у учителей, но и у родителей отнять власть над детьми: властью должно обладать государство, а не родители. В то же время им совершенно не мешает противоречие между тем, что они хотели бы предписать и запретить, и результатами этих предписаний и запретов, а главное, основополагающими принципами своей идеологии.

Эта черта политкорректности выглядит обязательной, поэтому и ее надо включить в общее определение: «требующая максимального вмешательства государства и желающая все сферы жизни регулировать законодательно».

Презрение к людям, уму и фактам дополняется оскорблением и унижением. Политкорректность особенно оскорбительна и унижительна как раз для членов тех групп, о благе которых она якобы заботится: нацменьшинств, женщин, гомосексуалистов. Каждый воспринимается «в качестве» — женщины, чернокожего, гомосексуалиста. Меня лично оскорбляет и унижает внушение, что все, что я делаю, — я делаю «в качестве» женщины. Конечно, есть некоторые вещи — очень немногие, — которые я делаю «в качестве» женщины: например, ношу лифчик. Можно прибавить беременность и роды. Но зато сюда не входят ни письмо, ни чтение, ни мышление. Многие женщины противостоят такой классификации. Ее результаты для женщин — самые дурные: книги, которые они пишут и писали и которые заслуживают уважения и серьезного отношения, отправляются в отдел книг группы-меньшинства. Многие женщины возражают и против того, что для женщин должны быть «квоты» в парламентах: они не хотят заседать в парламенте благодаря этим квотам (подставляющих их под обвинение, что без этого их не избрали бы) и не хотят заседать в нем «в качестве» женщин. Так же относится политкорректность к чернокожим, гомосексуалистам и людям, которые входят в ту или иную этническую группу, — вне зависимости от того, хотят ли они, чтобы их рассматривали в этом качестве. Этническим группам наносится особый ущерб, ибо во имя защиты их культуры у них отнимают возможности получить образование, ассимилироваться и улучшить свою судьбу.

Уверенность в том, что всё, что мы делаем, и всё, чем мы являемся, проистекает из нашего пола, расы, сексуальной ориентации либо принадлежности к какой-либо этнической группе, мало того что глубоко оскорбительна, она еще и раскалывает нашу собственную картину гармонического общества и общего блага, положенную в основу этой идеологии. Вместо того чтобы соединять людей, она разделяет их и сегрегирует; создает огромное множество обособленных интересов, между которыми возникает антагонизм и разверзается непреодолимая пропасть. Раздирается общественная и политическая ткань; расшатываются основы того «разнородного» и «многокультурного» общества, к которому мы якобы стремимся; больше нет общей почвы взаимопонимания. Есть лишь отдельные группы и их

бесчисленные, до бесконечности умножающиеся «права» (но без обязанностей). Идеология многокультурности, якобы стремящаяся открыться навстречу другим культурам, возвещающая «терпимость» и вечно твердящая о «диалоге», в действительности запрещает и открытость, и терпимость, и диалог, исходя из того, что разные культуры непримиримы и несоединимы и что взаимопонимания между ними быть не может. Она повелевает замкнуться, тесно замкнуться в одной — своей собственной (кроме случая, когда это культура западная, иудео-христианская, подлежащая уничтожению). Одним словом, она захлопывает дверь и выбрасывает ключ. Место национальной лояльности занимает лояльность групповая, этническая, расовая, лояльность к тому или иному меньшинству.

Я считаю, что можно и это включить в наше пробное определение: «признающая групповую принадлежность основополагающим критерием общественно-политической деятельности».

В университетах, в области гуманитарных наук, происходит нечто подобное. Новые дисциплины, новые подходы и способы интерпретации, несомненно, открыли немало дверей, пропылесосили и оживили зачастую окостенелые области, создали много новых возможностей и, разумеется, помогли женщинам занять заслуженные ими позиции и получить признание в академическом мире. Борьба за идеалы, которые потом стали частью политкорректности, — так же, как ранний феминизм, который еще боролся за равенство женщин, а не за их инаковость, — как идеалы социализма, гуманистические и антирасистские идеалы, принесла много хорошего и огромную пользу. Но в конце концов, потеряв всякую меру и преобразившись во всеобъемлющую идеологию, вместо того чтобы открывать — она все больше закрывает; вместо того чтобы расширять — сужает; вместо того чтобы позволять — запрещает и исключает; и, замкнувшись в своем догматизме и крайности — во имя открытости, плюрализма и разнородности, — раскалывает образование и гуманитарные науки таким же образом, как расколола общество. Принимая новые дисциплины и новые способы интерпретации, она стремится вытеснять старые; вместо того чтобы включать новое в рамки более широкого комплекса, чтобы весь этот комплекс улучшить, расширить и обновить, она навязывает его повсюду, отвергая все прочее, традиционное. Как в общественной и политической жизни она делает ударение на групповой принадлежности, так и в гуманитарных науках считает принадлежность автора — к расе, полу, группе по

происхождению — ключевой для интерпретации его текстов. (В значительной мере и с разных точек зрения она поддерживает также постмодернизм, делающий ударение, в частности, как раз на интерпретациях, связанных с групповой принадлежностью; можно, собственно говоря, сказать, что постмодернизм стал частью политкорректной идеологии в академической жизни.) В результате от гуманитарных наук остаются только отдельные групповые интересы — феминистские, гомосексуальные, этнические, — где каждый догматически защищает свою территорию, свой отвоеванный участок. Немалую роль играет здесь корысть: речь идет о сохранении и расширении своих позиций Политкорректность в университетах стала своего рода самозаводящейся индустрией. И здесь она тоже, заперши дверь, вышвыривают ключ. В данном случае это ключ, открывающий возможность объективной науки и уважения к истине.

В конце стоит вспомнить и о том, что вследствие политкорректности антисемитизм становится — особенно в Англии и во Франции — все более распространенным в «приличных» левых кругах. Ибо оказывается, если посмотреть внимательней, что — впрочем, как всегда — во всем виноваты евреи. Евреи, «фашистский» премьер-министр Израиля и вообще вся эта «маленькая засранная страна», как недавно изящно выразился, говоря об Израиле, французский посол в Лондоне. Этот новый антисемитизм исходит не из расисткой идеологии, как старый, а из... «антинацизма». Появляются сравнения Израиля с Третьим Рейхом, звезды Давида со свастикой. Шарона нередко осуждают как «фашиста», Израиль — как «фашистскую» страну. Те же самые люди, которых возмущают любые «этнические» анекдоты, формально запрещенные политкорректностью как оскорбительные, и которые во имя справедливости и прав человека несут самоотверженную помощь палестинцам, на знаменитой антирасистской встрече в Дурбане и на демонстрации антирасистских (!) организаций в Париже кричали: «Смерть евреям!»

Мир, которого желала бы политкорректность, этот мир, пронизанный ложью и полный лицемерия, совершенно искусственен: искусственные нормы и «квоты» (в парламентах и университетах); искусственный язык; искусственное образование, ничего не дающее, не обучающее никаким фактам и не внушающее никаких ценностей; искусственные нравственные, эстетические, политические, социальные принципы. Это мир, который делится на две части: угнетенные (преследуемые) и угнетатели (преследователи). Других нет, или

их можно не принимать в расчет. В соответствии с этой схемой значение слов и ценностей, в которые мы должны верить, дано заранее: справедливость — либо «социальная», либо связанная с борьбой «преследуемых» (которая по определению справедлива); никакой другой справедливости не существует. Зло — это несправедливость в одном из двух вышеназванных значений. (Недавно я слушала выступления на конференции, посвященной теме зла: почти никто из ораторов не говорил о Боге, а огромное их большинство исходило из посылки о том, что вопрос зла — это вопрос а) нищеты в Третьем мире и б) загрязнения окружающей среды, то есть вопросы, которые можно решить, найдя против них лекарство. Наконец — то мы, после стольких веков, управились с этим философским вопросом. Какое облегчение! Лейбниц и бл. Августин, наверное, в восторге. Нужно ли добавлять, что лекарство состояло в борьбе с американским империализмом, большим бизнесом, глобализмом и т.д. и т.п. Нравственность сводится к правилам поведения, согласующимся с политкорректной идеологией. Общей культуры, общих ценностей и традиций, на основе которых общество могло бы развиваться, — нет и быть не может, есть лишь ненависть и пустота.

Как же случилось, что нечто, начинавшееся как утопическое движение детей-цветов, преобразилось в унылую догматическую программу социальной регламентации, основанной на интересах отдельных групп? Самая простая и самая общая причина в том и состоит, что это была утопия. Нереалистическая, инфантильная, неумеренная, ничем не ограниченная: ни здравым разумом, ни действительностью. Так, пожалуй, обстоит дело — по природе вещей — с любой утопией. Будучи чистой идеологией, расплывчатой и нереалистической картиной, не имея естественных механизмов равновесия, она легко поддавалась фетишизации, манипуляции, искривлениям. И раз она сама противоречила природе, то замысел воплотить ее в жизнь противоречил ее собственному существу, а значит, воплощать ее можно было только вслепую, наперекор действительности и невзирая на то, что результаты ее воплощения неизбежно противоречили ее принципам. В этом смысле ее деградация была неизбежной, предсказуемой с самого начала.

Следует также отметить, что инфантилизм этой утопии с самого начала был ее частью, одной из ее характерных черт. Это была идеология, которая не только требовала поглупеть, но считала это поглупение благородным. Отрыв от действительности и отказ черпать из нее, отбрасывание ответственности (в песне Джона Леннона содержится и

наслаждение мыслью о «жизни сегодняшним днем» — «living for today»), отказ учиться, презрение к науке и знанию, отвержение всяческих форм, отрыв от истории, от здравого разума, от всяких структур и границ, которые навязывает действительность, — всё это дети-цветы считали благим и необходимым. В этом заметно нечто родственное — на весьма примитивном уровне — руссоистской идее «благородного дикаря».

И ничего удивительного, что политкорректность стала индустрией. С того момента, как она приняла политику групповой принадлежности и начала воплощать ее в жизнь, результаты были неизбежны: группы с собственными культурными интересами всегда будут стремиться повышать свое влияние и проталкивать свои интересы, политические и экономические. Для многих индустрия политкорректности — это попросту источник средств к существованию: она обеспечивает им престиж, университетские посты без всяких знаний и квалификацию или дипломы без приложения умственного труда.

Корысть — вероятно, одна из причин огромного влияния этой идеологии, того, что ее приняли не только в США, но и в Европе. В Англии и во Франции большую роль еще играет внушаемое политкорректностью чувство вины за колониализм — усиливаемое, манипулируемое и используемое заинтересованными группами. Лозунг «антиколониализма» в политической идеологии занимает ведущее место: его повторяют без всякого знания истории и с полным равнодушием по отношению к соразмерности обвинений истинному ущербу. Политкорректность гиперболизирует ущерб, нанесенный колониализмом, ничего не хочет знать о принесенной им пользе и требует «репараций» в форме привилегий для «эксплуатируемых». (Здесь любопытны также различия между Англией и Францией. Во Франции, которая во имя Республики всегда стремилась превратить население своих колоний во французов, политика группового самосознания прививается куда слабей, чем в Англии, которая приносила народам своей империи инфраструктуру, но местные обычаи и традиции обычно оставляла в покое и никого ни во что не хотела превращать — что можно считать проявлением уважения или презрения, в зависимости от того, как на это смотреть. Эти различия важны, т.к. показывают, в какой степени некоторые аспекты политкорректности зависят от природы того или иного колониализма.) Внушать чувство вины за колониализм — это часть более общей цели, каковая состоит в том, чтобы внушать убеждение, будто все, чего когда-либо

достигла западная цивилизация, не только не имеет никакой цены, но было крайне вредно для остального мира, который западная цивилизация тысячелетиями безжалостно разрушала, порабощала, угнетала и т.п. Конечная цель — разумеется, вывод о том, что ныне она должна за это платить, притом долго и щедро. Звонкой монетой, разумеется. Но и собственной жизнью: признавшись в вине и произведя самокритику, она должна позволить себя уничтожить.

Государства, даже те, где правительства левые и политкорректные, конечно, борются против финансовой стороны таких выводов. Никто не собирается выплачивать триллионы долларов правнукам рабов. (В этом месте трудно обойти молчанием тот факт, что на конференции о расизме в Дурбане громче всех домогались репараций представители тех африканских государств, в которых цветет работорговля. Столь же трудно не отметить, что от арабских стран, которые веками занимались работорговлей — и в Африке, и у себя, — никто репараций не требует.) Но социально-культурному аспекту они в своей внутренней политике часто поддаются. Причина этого — желание подлизаться к массам, изобразить (с целью набрать голоса избирателей и удержаться у власти), что правительство не элитарно, что оно заботится о рядовом человеке и его правах, а также о правах отдельных групп, каждая из которых располагает своим лобби. Но есть и другая причина, и она лежит в естественных склонностях современных государств. Это склонности, отлично согласующиеся с природой политкорректности: вмешиваться во все большее число сфер частной жизни, инфантилизировать свое население, ставить его в зависимость от государства и отнимать у людей ответственность за свою жизнь. По мере того как растут вмешательство, предписания и запреты, растет и бюрократия — и наоборот. И государственная бюрократия (как всякая бюрократия), и политкорректность, обе обладают своей движущей силой и в некоторых областях эти силы вполне естественно друг друга поддерживают.

А молодежи идеология политкорректности нравится еще и тем, что она легко усваивается и уже препарирована: поднесенная на блюдечке утопия, готовая к потреблению, выкидывающая нетрудные, привлекательные лозунги. Кто же не хочет демократии, справедливости, терпимости и мира? Кто не против расизма и фашизма? Думать не надо: все уже выдумано. Исторические знания — излишество. Наконец, в некоторой степени работает и попросту притягательная сила американских мод.

В Польше все это выглядит немного иначе. Колониального прошлого нет; нет ни массовой иммиграции из незападных стран, ни крупных этнических меньшинств. Почва для политкорректности куда менее благодатна. Кроме того в Польше пока что много собственных нерешенных проблем. Израильско-палестинский вопрос выглядит далеким, рядового поляка он не слишком волнует. Осталось еще слишком много старого антисемитизма, чтобы начал распространяться новый. Все это, может быть, ее убережет — это да еще память сорока лет коммунизма. (Как сказал ксендз парторгу, который жаловался, что никто не приходит на партсобрания: «Ко мне приходят, потому что Церковь не сделала вашей ошибки — не показала им того рая, который два тысячелетия обещает». Мы-то этот партийный рай видели.) Пока что политкорректность в Польше ограничивается университетами. Тут у нас есть и феминизм, и постмодернизм, и антиамериканизм (но пока лишь среди прогрессивно мыслящих). В большой степени это влияние американской и французской моды. Все может начать меняться со вступлением Польши в Евросоюз.

Остались два вопроса. Чем, собственно, опасна политкорректность и почему это настоящая опасность? Она угрожает, если сказать одновременно и сжато, и мягко, окончательным вышвыриванием вышеупомянутого ключа. Говоря конкретнее и не так мягко, она облегчает и ускоряет распад нашей цивилизации. И это настоящая опасность — хотя бы потому что политкорректные уже знают, что это может состояться. В конце концов состоялся же коммунизм. И видно, особенно в Англии, США и во Франции, что в некоторых областях удалось достичь очень многого. Видно это и в Евросоюзе, с его внушительными достижениями в области централизации, цензуры, диктата, запретов, навязывания и гомогенизации.

Но что оно такое — то, что может состояться? Напоминаю определение: политкорректность — это идеология левая; эгалитаристская и антиэлитарная; враждебная культуре и ценностям Запада; догматичная и нетерпимая, хотя провозглашающая терпимость; тоталитарная, т.е. желающая подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; разделяющая общество на группы, которые становятся группами со своими собственными, обособленными интересами; характеризующаяся презрением к людям, фактам и уму и в то же время провозглашающая своей целью справедливость и благо человечества; добивающаяся максимального

вмешательства государства в жизнь и желающая любую сферу регулировать законодательно; признающая групповую принадлежность основополагающим критерием общественно-политической деятельности.

Этого описания угрозы должно бы хватить. Можно лишь надеяться, что мы не забудем тот рай, который уже видели.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич об основных направлениях внешней политики Польши: «Вступив в Евросоюз, мы выполним последнюю из стратегических задач польской внешней политики, сформулированных более десяти лет назад. В их число входило: восстановить суверенитет, нормализовать отношения с соседями, развивать региональное сотрудничество, получить гарантии безопасности (благодаря вступлению в НАТО) и обеспечить развитие и благосостояние (благодаря вступлению в Евросоюз). Эти задачи определяли направления внешней политики каждого правительства, придавая ей внепартийный характер. Сегодня мы стоим перед необходимостью наметить новые горизонты нашей политики, укрепить нашу позицию в НАТО, ЕС и международном сообществе». («Газета wyborcza», 22 янв.)

- Сейм принял положение о выборах в Европейский парламент. Голосование пройдет по 13 избирательным округам. Мандаты получают партии и избирательные комитеты, которым удастся набрать более 5% голосов. («Тыгодник повшехный», 1 февр.)

- «Правовое ли государство Польша?» — этому вопросу была посвящена конференция, организованная президентом Александром Квасневским. В конференции приняли участие представители законодательной и судебной властей, юридических корпораций, а также профессора права. Директор Института социальных вопросов социолог Лена Колярская-Бобинская представила картину государства, подчиненного влиянию верхов, которые определяют правила игры в соответствии со своими групповыми, партийными или профессиональными интересами. «Уверенность в том, что основные принципы демократии так и не воплотились в жизнь, влияет на оценку самой демократии, — сказала проф. Колярская-Бобинская. — Люди потеряли доверие ко всем государственным институтам, считая, что они изъедены коррупцией и не заботятся о благе государства и граждан. Кризис углубляет средний класс, считающийся оплотом демократии, — интеллигенция, руководящие кадры, предприниматели, представители свободных профессий.

Именно в этой группе больше всего людей (37%) признаются в даче взяток». («Газета wyborча», 16 янв.)

• Проф. Стефан Неселовский, бывший политзаключенный и депутат: «Политики стали самодостаточным классом. Они перестали представлять кого бы то ни было и наподобие профессиональной корпорации защищают только собственные интересы. Вместо того чтобы бороться за реализацию программ и выдвигать идеи, они заботятся лишь о том, чтобы не оказаться вне группы, обеспечивающей доступ к власти и привилегиям. Из-за этого все более распространенным явлением становится внезапная «перекраска» — смена партии, вывески, коалиции, исповедуемых принципов. То, что раньше считалось ренегатством, теперь называется прагматизмом. Типичный политик Третьей Речи Посполитой уже успел сменить несколько партий. Перед каждыми выборами он появляется в той из них, которая лидирует в опросах. С серьезным лицом он провозглашает лозунги, полностью противоречащие тому, что он говорил вчера, и подобно кондотьеру служит тому, кто больше даст. В результате общество рассматривает весь политический истеблишмент как одну клику, а партийная принадлежность отходит на второй план». («Газета wyborча», 31 янв. — 1 февр.)

• Архиепископ Юзеф Жицинский: «Сейчас Польша находится в состоянии беспрецедентного кризиса, проистекающего из коррупции в высших сферах власти. Отсутствие реакции на тревожные явления, с одной стороны, грозит закреплением патологического кастового сознания, с другой же — связано с серьезным риском неконтролируемого возмущения, подогретого демагогическими лозунгами (...) Минимальным условием протеста против касты «власть предержащих» должно быть требование временно отстранить от должности всех, против кого выдвинуты обоснованные обвинения в аморальных действиях или/и в некомпетентности. Такая практика существовала при правительстве Ежи Бузека, а отказ от нее следует расценивать как тревожный признак возвращения к патологии власти в условиях ПНР». («Жечпосполита», 10-11 янв.)

• Ян Кшиштоф Белецкий, в 1992 г. премьер-министр Польши, на протяжении последних десяти лет — директор Европейского банка реконструкции и развития: «Когда-то мы жили в наивном убеждении, что, как только кончится ПНР, все словно по мановению волшебной палочки преобразятся — станут лучше, милее и т.п. (...) Я считаю (...) что в первые несколько лет после 1989 г. многие были настоящими

образцами идеализма, честности и труда на благо Польши за символическое «спасибо». В середине 90-х такой подход стал исчезать, и все больше людей начали смотреть на свою общественную деятельность через призму выгоды. Ожидания были огромны, и люди (особенно те, кто не выиграл от этих изменений) рассчитывали, что новая система будет основана на порядочности. Это должно было компенсировать огромную цену, которую они заплатили, вплоть до самой высокой — потери работы. То, что система оказалось непорядочной, породило ужасное разочарование» («Жечпосполита», 24-25 янв.)

- Новым директором Польского телевидения стал теле- и кинопродюсер Ян Дворак, в прошлом деятель антикоммунистической оппозиции, один из организаторов независимых издательств (в подполье он печатал, в частности, произведения Александра Солженицына), интернированный во время военного положения, а затем участвовавший в заседаниях «круглого стола». Контрольный совет пытался выбрать директора из числа трех кандидатов, вышедших в финал конкурса, однако, поскольку ни один из них не набрал в составе из девяти членов совета необходимых шести голосов, в следующем туре рассматривались кандидатуры шести человек, прошедших в полуфинал. В их числе был и Ян Дворак, показавший лучшие результаты в тестах на психические и менеджерские качества. После голосования оказалось, что за него проголосовали семь из девяти членов совета. По сведениям комментатора газеты «Жечпосполита», за Дворака наверняка голосовали «трое представителей т.н. оппозиции, трое центристов, а также кто-то из трех человек, поддерживающих нынешнюю дирекцию ТВП. Кто? Это остается загадкой. Никто не признался, а голосование было тайным». («Жечпосполита», 24 янв.)

- «Это очень хорошая новость: для общественного телевидения, для рынка СМИ, для зрителей, для демократии (...) Ян Дворак, получивший на первом этапе высшие оценки независимых экспертов, сперва был отвергнут контрольным советом: у него не было сильных политических покровителей. Однако затем сложилась настолько патовая ситуация, что понадобился кандидат, не связанный с политическими группировками, который мог бы примирить все стороны конфликта. Теперь у нас есть все шансы на то, что Польское телевидение действительно станет общественным». (Игорь Янке, «Жечпосполита», 28 янв.)

- «Контрольный совет ТВП (...) был создан по принципу пропорционального разделения политического влияния.

Таким же образом — путем договоренностей и торгов между различными политическими силами — он пытался избрать и директора Польского телевидения (...) Однако случилось чудо: совет выбрал Яна Дворака — кандидата не с лучшими связями, а с лучшей профессиональной подготовкой (...) Что же заставило голосовавших взяться за ум, вместо того чтобы в очередной раз звонить партийным боссам? Думаю, что решающую роль тут сыграло давление общественного мнения (...) Что из этого следует? Все, кто занимает ответственные государственные посты, должны находиться под постоянным давлением общественного мнения. Именно благодаря ему политики становятся более порядочными. Только таким образом наша страна сможет превратиться из Второй Речи Партийной в Речь Посполитую (Речь Посполитая, от лат. res publica, дословно — общественное благо. — Пер.). (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 29 янв.)

- Согласно опросу ЦИОМа, в январе «Гражданскую платформу» поддерживали 29% поляков, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 17, «Право и справедливость» — 13, «Самооборону» — 11, «Лигу польских семей» — 10, крестьянскую партию ПСЛ — 6%. («Жечпосполита», 21 янв.)

- Правительство лишилось парламентского большинства: коалиция СДЛС и «Унии труда» проиграла в Сейме голосование по поправкам Сената к бюджету. («Тыгодник повшехный», 1 февр.)

- Всепольский совет СДЛС подвел итоги контроля. После него из СДЛС вышло 70 560 человек. 79 851 человек остался. Распалось несколько сот местных партийных ячеек. («Газета wyborcza», 26 янв.)

- Проф. Ежи Вятр, бывший министр просвещения, депутат от СДЛС: «Сегодня СДЛС гложет болезнь, заключающаяся в партийном подходе к государству. Когда кадровая политика подчинена партийным критериям, ответственные должности часто занимают люди слабые, некомпетентные; появляются клики и закулисные договоренности (...) В СДЛС царит чрезмерная терпимость к своим (...) Высокие должности не могут занимать люди, против которых серьезные лица и учреждения выдвигают серьезные обвинения (...) Контроль не оправдал возлагавшихся на него надежд (...) Людей, против которых выдвинуты различные обвинения, значительно больше, чем вышедших из партии (...) Левая партия должна представлять интересы слабых и обездоленных, а она вместо этого стала трамплином для сколачивания состояний,

рассадником кумовства и коррупции. Людей это должно особенно коробить». («Газета wyborcza», 19 янв.)

- «В Сейме произошло необычайное событие: депутаты «Гражданской платформы» отказались от тринадцатой зарплаты, призвали к такому же шагу своих коллег из других партий и предложили принять постановление, ликвидирующее тринадцатые зарплаты депутатам Сейма. Обычно полупустой зал внезапно заполнился, и как правые, так и левые предприняли контратаку. Было сказано, что такое постановление противоречит закону, что оно неправильно, что это всего лишь обычная демагогия. Потом, как всегда, дело было замято, спущено на тормозах и в конце концов растворилось в тумане». (Эва Шуманская, «Тыгодник повшехный», 18 янв.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, 41% избирателей считает, что после выборов должна возникнуть коалиция, сплоченная вокруг «Гражданской платформы» и «Права и справедливости». По мнению опрошенных, это партии честных и компетентных людей, хотя об интересах собственных группировок они и пекутся больше, чем об общественном благе. («Жечпосполита», 26 янв.)

- Александр Квасневский, Ян Рокита («Гражданская платформа») и Анджей Леппер («Самооборона») — так, по данным ЦИОМа, выглядит первая тройка самых популярных политиков минувшего года. Другие политики остались далеко позади. («Жечпосполита», 24-25 янв.)

- По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», поляки хотели бы, чтобы бóльшую роль в политике играли: Иоланта Квасневская (60%), Александр Квасневский (51%) и Ян Рокита (48%). Анджей Леппер занял 13-е место с 27% голосов. («Впрост», 18 янв.)

- В прошлом году в польские вузы поступило 465,8 тыс. студентов. Год назад эта цифра составила 461,8 тысяч. Тем не менее государственные вузы начинают ощущать уменьшение числа поступивших: в 2002 г. их было 329,9 тыс., а в 2003 м — только 324,3. Между тем рост числа студентов наблюдается в частных учебных заведениях, несмотря на необходимость платить за учебу. В 2002 г. туда было зачислено 132 тыс. человек, а спустя год — уже 141 тысяча. («Газета wyborcza», 19 янв.)

- В 2003 г. поляки продолжали снимать деньги с банковских счетов, хотя и в меньшей степени, чем годом раньше. В 2003 г. вклады населения уменьшились на 4 млрд. злотых, в 2002 м —

на 8,9 млрд. Причины прежние — необходимость платить налог на прибыль от сберегательных вкладов и уменьшение процентных ставок, а также конкуренция инвестиционных фондов. В то же время значительно увеличилась общая сумма кредитов, взятых домашними хозяйствами. Задолженность населения возросла на 12,6 млрд. злотых (в 2002 г. она возросла на 7 млрд., а в 2001 — на 10,6 млрд.). («Жечпосполита», 15 янв.)

• ««Правила, запрещающие отчислять от налога на благотворительные цели до 10% годового дохода, отбивают у людей желание жертвовать», — заявил эконо Епископата Польши свящ. Ян Дроб. С 1 января на благотворительные или религиозные цели от налога можно отчислить не более 350 злотых. «Малые предприятия передавали дары — особенно продукты с истекающим сроком хранения — домам престарелых, кухням для бедных, столовым при приходах, ночлежкам. Теперь государству придется взять на себя всю благотворительную деятельность — в противном случае эти люди начнут умирать с голоду», — сказал о. Ян. Для примера: ченстоховская Федерация обществ инвалидов «Бетель», которая на протяжении более чем года ежедневно выдавала бедным до 500 буханок хлеба, после изменения правил вынуждена была приостановить свою акцию. Передавая бедным излишки выпечки, пекари должны были бы заплатить налог на дарение. Дешевле просто уничтожить лишний хлеб или переработать его на корм для скота». («Тыгодник повшехный», 18 янв.)

• «Часто я задумываюсь, насколько на форму нашего права собственности до сих пор влияют многолетние навыки прежней власти. К сожалению, я вижу эти навыки в склочнических процессах, которые государство ведет против собственных граждан, в административных решениях (даже министров), в недомолвках законодательства и в том, что на протяжении 14 лет не упорядочен вопрос т.н. реприватизации. Тот факт, что польское государство проиграло в Европейском суде по правам человека все 39 процессов с собственными гражданами, говорит сам за себя». (Станислав Подемский, «Газета wyborча», 17-18 янв.)

• Варшавский Воеводский административный суд постановил, что переписка между министрами — это официальные документы, которые, согласно закону о доступе к общественной информации, должны быть общедоступны. («Жечпосполита», 17-18 янв.)

• В 1990-м — первом году польских преобразований — «Законодательный вестник» содержал 547 законов и

насчитывал 1348 страниц; в 2000 г. — 1346 законов и 7456 страниц; в 2002 г. — 2098 законов и 16 020 страниц; в 2003 г. — 2191 закон и 16 456 страниц. Принятый в 1991 г. закон о подоходном налоге с физических лиц дополнялся 41 раз; закон 1991 г. об учреждениях здравоохранения — 32 раза; закон 1991 г. о системе образования — 27 раз; закон 1998 г. о пенсиях из Фонда медицинского страхования — 26 раз. (*«Тыгодник повшехный»*, 25 янв.)

- Уже около 2 млн. поляков легально приобрели огнестрельное оружие. Поляки вооружаются главным образом из страха. По данным ЦИОМа, в 2003 г. 62% граждан считали, что жить в Польше небезопасно, а 73% хотя бы в небольшой степени чувствовали, что им грозит опасность. (*Кшиштоф Трембский, «Впрост»*, 18 янв.)

- В Польше существенно улучшилось качество воздуха. За последние годы концентрация таких веществ, как двуокись серы или окись азота, уменьшилась в несколько раз. В данной области Польша уже соответствует европейским нормам. Однако самой большой проблемой продолжает оставаться пыль. В разных регионах страны ее концентрация превышает допустимые нормы. В этом отношении наши города выглядят значительно хуже, чем Лондон, Берлин или Мадрид. (*Ян Страдовский, «Впрост»*, 25 янв.)

- «Налицо экономическое ускорение. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в прошлом году ВВП увеличился на 3,7%, т.е. больше, чем ожидалось. Несмотря на это, уровень безработицы не снизился и достиг 20%! Если все так хорошо, то почему нам так плохо?» (*«Газета wyborcza»*, 31 янв.)

- В декабре 2003 г. объем продаж в промышленности увеличился на 13,9%, а его рост за весь прошлый год составил 8,7%. (*«Жечпосполита»*, 21 янв.)

- Правительство Украины утвердило план продолжения трубопровода Одесса—Броды до польского Плоцка. Однако вплоть до открытия нового отрезка оно не примет решения, потечет ли по нему из Одессы каспийская нефть или в Одессу будет поставляться российская. От того, что течет по трубопроводу сейчас, зависит, какая нефть будет поставляться с его помощью в будущем. (*Анджей Кублик, «Газета wyborcza»*, 15 янв.)

- Вице-премьеры Польши и Украины обменялись нотами об утверждении правительствами двух стран договора о

строительстве отрезка, соединяющего трубопровод Одесса — Броды с Плоцком. Вице-премьер Украины Андрий Ключев сказал, что «для Украины договоренность с Польшей — шаг стратегического значения на пути к сотрудничеству с Евросоюзом». В связи с сомнениями по поводу того, какая нефть потечет по трубопроводу уже сейчас, Ключев заявил: «Мы хотим как можно скорее пустить по трубопроводу Одесса — Броды нефть в том направлении, которое предполагалось при его строительстве». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 17–18 янв.)

- «Подписанный договор — это не только шаг к энергетической независимости Польши от России. Важнее то, что он способствует обретению экономической независимости Украиной (...) Поглощение Украины Россией — необходимое условие восстановления империи, поэтому в интересах Польши поддерживать независимость Киева». (Бронислав Вильдштейн, «Жечпосполита», 17–18 янв.)

- Генерал Анджей Тышкевич передал ген. Мечиславу Бенеку командование международной дивизией в польской зоне Ирака. Смена насчитывающего почти 2,5 тыс. человек польского контингента продлится до 9 февраля. («Жечпосполита», 12 янв.)

- Ген. Тышкевич после возвращения в Польшу: «Было трудно, особенно вначале, когда мы создавали дивизию с нуля и надо было командовать подразделениями со всех концов света в тяжелых климатических условиях. Эта миссия позволила нам накопить много опыта. Из Ирака вернулись полностью профессиональные, зрелые солдаты. Они научились применять оружие в трудных боевых условиях. Научились они и служить гражданскому населению». («Жечпосполита», 17–18 янв.)

- По данным опроса, проведенного Комитетом американских евреев, евреи из США относятся к Польше и ее правительству лучше, чем к Франции и Германии. Американцев еврейского происхождения спрашивали, в частности, как бы они выразили свое отношение к разным странам по 100 балльной шкале. Польша получила 56 баллов, Франция — 33, Германия — 45, Россия и Ватикан — по 51, а Великобритания — 77. Позиция польского правительства была оценена на 49 баллов, а французского — на 30. («Газета wyborча», 27 янв.)

- Исполнительный директор Всемирного конгресса евреев Элан Штейнберг: «В дискуссии об истории и антисемитизме Польша продвинулась далеко вперед, и сегодня она может гордиться тем, что поляки честно смотрят на свою историю со всеми ее

светлыми и темными сторонами. Мы убеждены, что в этом отношении Польша значительно сильнее многих других европейских государств». («Жечпосполита», 9 янв.)

- Некролог: «С глубоким прискорбием сообщая, что в ночь с 6 на 7 января 2004 года в Израиле после продолжительной борьбы с безжалостной болезнью на 78-м году жизни умер «мальчик, которому так хотелось жить» — Давид Эфраимович Эфрати (Ендрек, Тадек). Он был для меня не просто другом — он был моим еврейским братом, человеком с двумя сердцами, одинаково любившим Польшу и Израиль, поляков и евреев и до последнего мгновения трудившимся ради общего блага. В моем сердце и в сердцах всех, кто встретил его на своем пути, память о нем будет жить вечно. Станислав Галос с семьей». («Газета wyborcza», 9 янв.)

- Группа неизвестных привела в порядок еврейское кладбище в Освенциме, разоренное в начале декабря прошлого года. Кто-то поставил на место 16 старинных надгробий. «Спасибо тому, кто это сделал, кем бы он ни был», — сказал удивленный Артур Шиндлер из освенцимского Еврейского центра. Остается загадкой, как люди, приводившие в порядок кладбище, проникли на него: ключи есть только в Еврейском центре и в освенцимском Международном доме встреч молодежи. («Газета wyborcza», 9 янв.)

- Майкл Трейсон, юрист еврейского происхождения, ведущий дела в Польше: «Польша — единственная крупная европейская страна, воздерживающаяся от критики Израйля. Это объясняется, в частности, историческими причинами: у Центральной Европы нет «долгов» перед бывшими арабскими колониями. В отличие от Западной Европы здесь нет и «нового антисемитизма» — волны нападений на евреев, совершаемых главным образом арабской молодежью — например, во Франции». («Газета wyborcza», 14 янв.)

- «В Познани на Ставной улице была интересная с архитектурной точки зрения синагога с куполом. В 1940-1942 гг. немцы истребили познанских евреев, разрушили купол синагоги и уничтожили сакральные элементы ее убранства. В изуродованном здании они устроили бассейн, который существует до сих пор». (Анджей Осенка, «Газета wyborcza», 31 янв. — 1 февр.)

- Общественно-культурное товарищество евреев в Польше — единственная нерелигиозная организация этой группы польских граждан. Товарищество было основано в 1950 г. и

насчитывает 2700 членов в 17 местных отделениях.
(«Жечпосполита», 22 янв.)

• Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Из всеобщей переписи населения 2002 г. следует, что только 1100 польских граждан считают себя евреями (...) В Польше живут 173 тыс. силезцев (эта национальность пока не признана самостоятельной), 153 тыс. немцев, 49 тыс. белорусов, 31 тыс. украинцев и более 13 тыс. цыган (...) На польской земле было убито около 4 миллионов евреев, в т.ч. более 3 млн. польских евреев. Сравнение цифр 3,351 млн. (в 30-е годы XX века) и 1100 (в 2003 г.) — самая краткая история трагедии многих поколений еврейского народа (...) В 1989 г., после краха коммунизма, в Польше возродилось и еврейское движение. Сегодня трудно хотя бы приблизительно оценить, сколько евреев живет в Польше. По разным оценкам, их должно быть 10–15 тысяч. В еврейских организациях состоят 3 тыс. человек (...) Как могло случиться, что из 10–15 тыс. живущих в Польше евреев лишь немногим больше тысячи признались в своем еврействе во время переписи населения? (...) То, как мы относимся к национальным и религиозным меньшинствам, — самый простой и надежный экзамен на демократию и плюрализм».
(«Впрост», 18 янв.)

• Прокурор жешувского отделения Института национальной памяти (ИНП) передал в суд обвинительное заключение по делу бывшего сотрудника органов госбезопасности Флориана М. По данным ИНП, в 1946–1950 гг. Флориан М. совершил множество преступлений против деятелей национально-освободительных организаций из Жешува и Ланьцута Флориан М. — двенадцатый бывший сотрудник органов из Жешува и окрестностей, обвиненный ИНП в коммунистических преступлениях. («Жечпосполита», 22 янв.)

• С 2000 г. количество полевых птиц в Польше уменьшилось на 12%. Уменьшение птичьих популяций не коснулось лесов: вымирают только полевые птицы — тем быстрее, чем более развито в данной стране сельское хозяйство. («Газета wyborча», 29 янв.)

• Польша — третий в мире (после КНР и России) производитель гусиных перьев для одеял, подушек, курток и спальных мешков. Польский пух очень высоко ценится во всем мире. Он снежно-белый, а не серый, благодаря чему не просвечивает через тонкие наволочки и пододеяльники. На мировых рынках он стоит чуть ли не в два раза дороже, чем пух, производимый на Востоке. Килограмм перьев высшего качества можно продать за 20–80 долларов. («Ньюсуик-Польша», 18 янв.)

- Слупская прокуратура предъявила работнику бойни в Желистшеве обвинение в жестоком обращении с животными. Показанный ранее по телевидению фильм Всепольского общества охраны животных выявил варварские условия убоя. Зрители смогли, в частности, увидеть, как еще живых свиней бросают в кипяток. («Жечпосполита», 9 янв.)

- Вместо того чтобы блокировать дороги, депутат Альфред Буднер («Самооборона») решил в рамках акции протеста перестать давать корм и воду собственным свиньям, которых у него две тысячи. Моря голодом и лишая воды собственных свиней, Буднер хочет показать, что цена скупки убойного скота невыгодна крестьянам. («Газета wyborча», 27 янв.)

- В 2003 г. польский экспорт свинины увеличился вдвое и, по оценкам Института экономики сельского хозяйства и пищевой промышленности, достиг уровня 195 тыс. тонн. Большая часть польской свинины экспортируется в Россию (30%), Румынию, Белоруссию, Болгарию и Латвию. («Газета wyborча», 27 янв.)

- Более 3 млн. животных ежегодно используется в Польше для опытов и тестов. Большинство из них гибнет. С просьбой не подписывать закон, либерализующий существующие правила, обратились к президенту не только польские, но и заграничные организации защитников животных, в частности Всемирное общество охраны животных с резиденцией в Лондоне, знаменитый специалист по охране животных из Кембриджского университета проф. Дональд Брум, директор Берлинского федерального центра альтернатив тестам на животных проф. Хорст Шпильман, а также Еврогруппа, объединяющая европейские организации по охране животных. («Газета wyborча», 9 янв.)

- «Я обращаюсь к господину президенту Речи Посполитой с покорнейшей просьбой наложить вето на закон об экспериментах на животных (...) Новый закон ликвидирует какой бы то ни было контроль за причинением им страданий и их уничтожением. Они будут обречены на жесточайшие мучения — ведь страдания этих бессловесных тварей ничего не стоят! Наоборот, они существенно уменьшают расходы и приносят прибыль. Умоляю вас... Станислав Тым». («Жечпосполита», 10–11 янв.)

Президент Александр Квасневский наложил вето на закон об экспериментах на животных и вернул его Сейму для повторного рассмотрения, обосновывая свое решение необходимостью свести страдания животных к минимуму. («Газета wyborча», 13 янв.)

- Станислав Лем: «Я считаю, что сначала надо навести порядок на земном шаре. Люди должны перестать убивать друг друга — только после этого можно будет создавать какой-то общий фронт космических исследований». («Жечпосполита», 26 янв.)

- Януш Кохановский из Варшавского университета: «Я слушал в Лондоне передачу «Скай-Ньюс» или Би-Би-Си. Оказывается, в Интернете сотни или даже тысячи человек принадлежат к т.н. группе людоедства. Я был поражен, когда комментатор сказал, что намечается определенная «субкультура людоедства». Значит, это явление уже получило свою нишу — следующим шагом будет утверждение, что это своего рода меньшинство (...) Врач, убивший несколько десятков или сотен пациентов (...) Педофилы, которые начинают бороться за свои права. А теперь еще и людоед, который кого-то убил, а затем съел (чтобы, как было сказано в обосновании весьма мягкого приговора к 8,5 годам заключения, ощутить как можно более тесную связь с другим человеком. — Ред.). Каждая цивилизация построена на определенных табу. В наше время эти табу нарушаются (...) Цивилизации угрожают не только такого рода действия, но и реакция уголовной системы, которая считает их нормальными». («Жечпосполита», 31 янв. — 1 февр.)

ДОСТОЕВСКИЙ — ЭТО ЧАСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Сколько лет знаком с Вайдой, столько и задаюсь вопросом: «И когда он все и всюду успевает?» Снимает кино для большого экрана и телевидения, ставит спектакли, пишет книги, устраивает выставки, читает лекции, не отказывает в творческих уроках школьникам, поздним вечером дискутирует о современном театре с обычными зрителями, третий год активно занимается созданной при поддержке близких коллег школой кинорежиссуры, ведет обширную переписку... И не мог не откликнуться на приглашение главного режиссера московского театра «Современник» Галины Волчек поставить с ее коллективом спектакль по Достоевскому.

Что значит для Вайды Достоевский — разговор особый. Достойн отдельной книги. Впрочем, такая книга есть. Два года назад Анджей Вайда издал на русском языке (кстати, при помощи «Новой Польши»¹) «Театр совести», где под одной обложкой были собраны три поставленные в краковском Старом театре инсценировки по мотивам прозы Достоевского («Бесы», «Настасья Филипповна» и «Преступление и наказание»), а также увлекательные пояснения и исторические реминисценции. А в одной из своих последних книг «Кино и остальной мир» Вайда вспоминает, что о существовании Достоевского он по-настоящему узнал от писателя Марека Хласко осенью 1956 г., когда тот по памяти начал читать диалог Ставрогина с капитаном Лебядкиным. «Я его запомнил сразу и понял, что обязан прочесть «Бесов», а прочитав, не перестал думать о них до сегодняшнего дня», — написал Вайда.

— Что вы предчувствовали перед встречей с «Современником»?

— Радость и волнение. Ведь помимо Польши я ставил Достоевского в Америке, Германии, Японии, но никогда не слышал его на родном языке в исполнении русских актеров. И вот моя мечта осуществляется.

— Но вы же, по-моему, проводили два года назад мастер-класс с российскими студентами в Санкт-Петербурге во время

вашей выставки в литературно-мемориальном музее Достоевского?

— Вы знаете, для меня тот «урок Достоевского» тоже был своего рода упражнением. Мне всегда казалось, что «Идиота» можно поставить непривычным образом. Несколько лет назад я видел в Казанском соборе выставку, на которой меня поразили образ несущего крест юродивого. Я не предполагал, что такой крест может быть очень большим. И мне подумалось, что он может быть каким-то театральным знаком и новым оригинальным взглядом на образ князя Мышкина, несущего большой крест. Вроде Христа, устремляющегося на Голгофу. Для нас, поляков, Достоевский — религиозный писатель. Причем не православного, а скорее западного мира, что для русских может быть удивительно. Однако, по-моему, актерам и приглядывающимся к нашим упражнениям зрителям этот прием не показался убедительным.

— Но ведь тяжелый крест как символ нелегкой судьбы и тяжких страданий, возникший на основе евангельского повествования об Иисусе, очень живуч у нас. «Надо нести свой крест», — внушает героиня «Живого трупа» Льва Толстого...

— Да, это так. Но у меня все-таки осталось впечатление, что я не достиг того эффекта, на который рассчитывал. Мне даже показалось, что в Польше, к примеру, эта идея получила бы лучшее понимание. Может быть, в силу большего присутствия креста, распятия в повседневной жизни. Зато я получил огромное удовольствие от занятий с молодыми актерами и действительно тогда же впервые услышал Достоевского на русском.

— Как получилось, что отсчет ваших театральных постановок за рубежом идет от «Современника»?

— Все потому, что я был его завсегдатаем. Когда бы я ни приезжал в Москву, мои друзья всегда мне говорили, что надо увидеть то, что делается в «Современнике». Я так сблизился с театром, что в 1972 г. речь зашла о совместной работе. Всплыла идея поставить американскую психологическую драму Дэвида Рейба «Как брат брату». Это был мой первый опыт работы с непольским коллективом.

— Трудно режиссировать за границей?

— Очень трудно. Во всяком случае труднее, чем в кино. Особенно в театре, где установилась связь актеров и зрителей, а

между ними вдруг вторгается режиссер, который не точно и не сразу понимает эти взаимоотношения. Но та, первая работа с «Современником» меня очень обогатила, и я вспоминаю ее, как нечто прекрасное. Разве можно забыть удивление, когда, выходя поздно ночью с генеральной репетиции, я увидел толпу людей перед театром. «Что они делают?» — спрашиваю коллег. «Как что? — оглядываются они с недоумением. — Стоят за билетами!» Для меня это было потрясением. Никогда прежде я как режиссер не ощутил своей ответственности перед зрителями в такой степени.

— Вы успели что-то посмотреть из нынешнего репертуара «Современника»?

— Еще до начала репетиций «Бесов» я неделю провел в театре и практически увидел всю труппу в действии. Вы знаете, что меня убедило в окончательном решении поработать в «Современнике»? Зрители и актеры. Такая внимательная и сопереживающая публика когда-то собиралась в краковском Старом театре. Ну а игра великолепных артистов просто взяла меня за сердце. И я обрадовался, что могу встретиться с ними в работе. Важно и то, что я смогу предложить им роли, которые они хорошо понимают. И мне останется быть в каком-то смысле только соавтором. За такую редкостную возможность я очень благодарен Галине Волчек.

— У вас был выбор?

— Только между «Преступлением и наказанием» и «Бесами». Мы пришли к согласию, что именно «Бесы» актуальны сегодня как никогда. Слишком много сейчас тех, кто делает ставку на террористические акты и политическое насилие. А причины и механизм этого вскрыл Достоевский.

— Вы взяли за основу знаменитую постановку Старого театра?

— Да, потому что за тридцать с лишним лет после премьеры в Кракове я ее не изменял и хочу сделать своего рода повторение. Конечно, оно не будет механическим. Хотя бы потому, что будут играть русские актеры на языке оригинала, а это уже другое выражение. Проблема с Достоевским всегда заключается в том, что в его произведениях много диалогов. Как сказал знаменитый литературовед Михаил Бахтин в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского», «сознание героев Достоевского диалогизировано». Герои этого великого писателя реализуются в том, что они много говорят. Поэтому и надо предоставлять возможность актерам много говорить, чтобы

можно было понять, кто такие его герои и к чему они стремятся. И если, к примеру, Шигалев не выскажет своих взглядов, то и не будет образа Шигалева. А ведь это один из первообразов тех, кто сложил теорию нового счастливого мира, в котором все люди будут «истинно равны».

— На «Бесах» с первого момента их появления на сцене все время была черная метка. Поставленный 90 лет назад Немировичем-Данченко в Московском художественном театре спектакль (он шел под названием «Николай Ставрогин») разгневал Горького, который увидел в нем «поддержку болезненных настроений части русской интеллигенции». Как далеки вы от предрассудка?

— На этот счет у меня выработался иммунитет. Если с «Преступлением и наказанием» и «Настасьей Филипповной» мы объехали весь мир, то на «Бесов» запрет был наложен почти изначально. Нам удалось выехать с этим спектаклем в Швейцарию и Англию, но по возвращении в Польшу без скандала не обошлось. Советское посольство в Великобритании предприняло демарш, заявив о нежелательности игры поляками «Бесов» в Лондоне. Так был омрачен наш успех на международном театральном фестивале. Но нет худа без добра. Спектакль заметил известный американский театральный критик и режиссер Роберт Бруштейн, который и пригласил в Нью-Хэвен повторить краковскую постановку. Она оказалась вдвойне памятной, потому что Лизу Дроздову играла, еще будучи студенткой, Мерил Стрип. Это было первое выступление на сцене ныне великой американской кинозвезды. Кстати, в начале 70-х я беседовал с Фурцевой, которую уговаривал разрешить мне снять художественный фильм «Бесы» с советскими артистами. Но она, тогда министр культуры, отрезала: ни в коем случае. Я и сам был не рад, что заговорил о признанном антиреволюционном произведении. Между прочим, политическая неприязнь к этому спектаклю отразилась и в Польше. Несмотря на то что «Бесы» не сходили со сцены в Кракове 14 лет, от этого спектакля не осталось никакого следа. Телевидение так и не решилось запечатлеть хотя бы одну сцену из этого спектакля-долгожителя. Так магически действовал тогда политический запрет. Поэтому, если постановка в Москве будет иметь успех, я рассчитываю перенести ее на экран.

— Почему, на ваш взгляд, сохраняется актуальность Достоевского?

— Мне кажется, сила его образов опередила свое время, потому что они написаны и портретированы не так, как мы привыкли

в литературе, когда автор ищет какой-то прототип и старается его воссоздать в романе. Достоевский всегда объединял — часто весьма парадоксально — несколько образов. И довольно выразительно. Например, мужчину и женщину, благодаря чему я мог сделать японскую инсценировку с ведущим актером театра «Кабуки» Тамасабуро Бандо, который сыграл две главные роли — князя Мышкина и Настасьи Филипповны. А все потому, что в князе Мышкине явственно чувствуются элементы женского характера. Достоевский старых людей «награждает» детским поведением, соединяет всякого рода противоречия. Отсюда его образы, хотя и не писались для сцены, всякий раз отчетливы и выразительны. Когда я перечитываю Достоевского, то меня не оставляет впечатление, что его романы как бы сегодня написаны.

— За границей часто можно услышать, что Достоевский помогает постичь душу русского человека. Вы придерживаетесь такого мнения?

— Если бы талант Достоевского заключался только в этом, то он был бы малоизвестным писателем. А его знают во всем мире. Притягательность Достоевского в том, что он раскрывает внутренний мир человека вообще. В том числе — и мой. Потому и воспринимается везде как «свой» автор. Капитан Лебядкин, этот пьяница и прохвост, к сожалению, вполне может быть также и поляком. Знаю я и таких французов. Или профессор Степан Трофимович Верховенский — мало что эстет и моралист, а еще, как оказалось, никаким профессором не был. И мы знаем таких «профессоров». Знаем и таких революционеров, каких Достоевский представил в образе Шатова — наивных, глупых, не понимающих, в чем принимают участие. А его женские образы? Присмотритесь — они все в нашей жизни.

— Это оказывало на вас влияние при работе над Достоевским?

— А как же! Мои приключения с Достоевским начались с «Бесов». Знаете, все, кто дошел до премьеры в краковском Старом театре, были уже совершенно другими людьми, чем когда только расписывали роли. Достоевский требует от каждого, кто к нему приближается, обнаженного ответа на вопрос: «А кто я такой?» Когда я ставлю спектакли по Достоевскому, передо мной не отвлеченные образы, а живые люди, в которых я вижу свои недостатки и достоинства. Достоевский — это часть и нашей жизни.

Беседу вел

Валерий Мастеров
собственный корреспондент
«Московских Новостей»

ПРОРОЧЕСТВО, ОБРОСШЕЕ ПЛОТЬЮ

Новый фильм Анджея Вайды открывается тревожной и поначалу (не только для зрителя, незнакомого с романом) неясной сценой. В ночной темноте бедно одетый человек, впрягшись в оглобли, тащит тяжелую повозку. То ли это лес... — нет, скорее заросший парк, вон статуя стоит. Человек останавливается, стаскивает тяжелый груз, наклоняется, открывает заброшенную землей и снегом крышку тайника. Вид у бесформенного груза такой, что он может оказаться чем угодно — например, трупом, погребаемым под покровом ночи. Поверх этой немой сцены по экрану проплывают титры:

«Около 1870 года группа молодых активистов, все родом из одного города, вернулась в Россию после пребывания в Швейцарии. Они обсуждают, как свергнуть старый режим.

Они еще ждут возвращения организатора по имени Петр. Он должен привезти с собой Николая Ставрогина, который считается вдохновителем группы, чем-то вроде нового Мессии.

В России брожение умов. Каждый думает, что близка насильственная революция. Либералы держатся на чеку. Но никто точно не знает ни размеров группы, ни ее подлинных намерений.

Шатов, рабочий-печатник, один из активистов, решил выйти из группы. Не без опаски он ждет, как воспримут это Петр и Ставрогин при своем возвращении».

Эти проходящие по экрану вступительные фразы сразу вводят зрителя в гущу событий и одновременно знакомят с первым появившимся на экране героем — Шатовым в исполнении Ежи Радзивиловича (сыгравшего у Вайды главные роли в «Человеке из мрамора» и «Человеке из железа»). Когда титры сходят с экрана, мы уже отчетливо видим, как Шатов сбрасывает свой груз в яму — и по очертаниям ясно, что никакого трупа там быть не может, — закрывает тяжелую крышку, забрасывает ее землей и снегом, затаптывает. Для тех, кто знает роман (а таких большинство и среди французской публики, в худшем случае читавшей инсценировку Камю), очевидно, что это и есть та подпольная типография, которую спрятал Шатов, чтобы

затем вернуть ее группе революционеров. Зрители, которые с романом незнакомы, по ходу действия узнают, что прятал он в тайник.

Эта первая сцена несет (и выдерживает) важнейшую композиционную нагрузку. В ней уже, собственно, заключено повествовательное решение фильма, столь существенное для всякой экранизации: что именно рассказать, — в ней, кроме Шатова, заявлены и прочие герои фильма: Ставрогин, Петр Верховенский, «группа активистов», «либералы» — практически все, кроме Кириллова (но и его, в общем-то, можно причислить к «группе активистов») и женщин, не принадлежащих к этой группе, т.е. Лизы и Марьи Лебядкиной. Эта же сцена — как сюжетно, так и метафорически — прямо связана со сценой убийства Шатова. Возникающее во время первых кадров фильма тревожное, неясное ощущение: яма, ночь, бесформенный груз — обнаружит себя как прообраз будущего убийства: ночь, тот же парк (не забудем, что революционеры заманивают Шатова в засаду под предлогом передачи зарытой типографии), а потом бесформенное тело, которое убийцы волокут к пруду, камни-грузила, которые к нему привязывают, прежде чем оно тяжелым комом рухнет в черную воду.

Одним словом, с первой сцены ясно, по какому пути пошли Анджей Вайда и его сценарист Жан-Клод Карьер, превращая большой, многоплановый роман в двухчасовой фильм. Что и почему (или зачем) они отбирали, отсекая все остальное как лишнее для фильма. Сценарист объясняет это следующим образом:

«Действие фильма, как и книги, разворачивается в русском провинциальном городе около 1870 года. Но фильм рассказывает более простую историю. Из него убрано все, что касается литературной и светской жизни, — острая сатира на нравы того времени, занимающая чуть ли не половину романа. Остается рассказ о группе террористов, который родился из подлинного эпизода, известного как «дело Нечаева».

Фильм, как и книга, рассказывает о действиях этих разнуздавшихся бесов, об их иллюзиях, их безумствах, производимых ими опустошениях. И сегодняшняя злободневность совсем недалеко от этого, ибо гений Достоевского состоял не только в том, что он детально предвидел и описал будущие советские порядки, но и в том, что он увидел нечто, выходящее за эти пределы: он словно совершил некий скачок по-над позитивизмом, марксизмом и психоанализом, чтобы в незабываемых сценах передать

глубочайший ужас, побуждающий нас к действию, снедающую нас жажду святости и те смертельные опасности, которые нас уродуют, но исходят не только от нас самих».

В самом деле, в наш век государственного террора и «организованно-индивидуального» терроризма трудно вообразить себе иной подход к «Бесам». Однако и при таком подходе экранизация либо инсценировка отнюдь не исключают той сильно ощутимой в романе и едва лишь местами уловимой в фильме Вайды атмосферы юмора (не «сатиры»!), то наивного, то язвительного, которая, к примеру, торжествовала в лондонском спектакле Юрия Любимова. Как содержательная, так и злободневная убедительность в обрисовке революционных бесов от этого оказалась только в выигрыше. Быть может, именно нехватка этой атмосферы, почти полная оголенность трагического элемента привели к тому, что французская критика, за немногими исключениями (в т.ч. сдержанная, но отмечающая ряд достоинств фильма статья в «Кайе дю синема» и полностью хвалебная в «Ревю дю синема» — двух важнейших киножурналах), встретила фильм недоброжелательно, обвиняя его в чрезмерной истеричности, в том, что мы по-русски назвали бы «достоевщиной». Это обвинение, безусловно, преувеличенное, а то и прямо несправедливое, отчасти можно объяснить еще и непривычной для французского зрителя — во французском фильме! — свободной, по-славянски размашистой актерской игрой (молодые французские актеры, сыгравшие большую часть главных ролей, наоборот, были довольны тем, что Вайда заставил их избавиться от привившейся ныне в «серьезном» французском кино сухости исполнения).

Вероятно, наибольшие возражения может вызывать роль Ставрогина в исполнении Ламбера Вильсона — если упустить из вида концепцию фильма. В нашем традиционном представлении, признаемся, Николай Всеволодович Ставрогин — не только главный, но и любимый герой «Бесов». Не случается ли нам, русским читателям, зачастую до конца сохранять в отношении к нему восторженность Марьи Лебядкиной, которая и у этой убогой разумом внезапно оборвалась, уступив место ужасу?

В центре фильма Вайды постоянно и неуклонно находятся революционные бесы, и в нем действительно не только не выведено общество губернского города, но и сам Ставрогин отошел на задний план. Точнее будет сказать, что та главная роль, которая выделена ему в фильме, — это роль шахматного короля. К нему стекаются все нити игры, ради него делают ходы

и приносятся в жертву все остальные фигуры, но сам он связан в движениях, и вдобавок, чтобы закончить партию, нет необходимости поставить мат королю — хватается и неотвратимой угрозы. И в фильме — парадоксально, но в полном соответствии с его логикой — отсутствует самоубийство Ставрогина. Мы теряем его из виду, когда начинается пожар, и дальше он существует для нас лишь эхом, отголоском: сам пожар, разожженный Федькой-каторжным, дабы скрыть убийство Лебядкиных, тела убитых брата и сестры, полубезумная Лиза — впрочем, вопреки роману, все проясняющаяся разумом и вместо случайной странницы (как в романе) выслушивающая из уст Степана Трофимовича чтение евангельской притчи о бесах и его оптимистические предсказания о скорой гибели бесов и очищении от них русской земли.

Фильм заканчивается этой, увы, наименее убедительной сценой, поставленной предельно всерьез, «поэтично», на фоне реки и плывущих по ней погорельцев, без тени юмора в отношении к Степану Трофимовичу. Вайда безоговорочно считает, что Достоевский «солидарен» со старшим Верховенским, и сам проявляет полную с ним солидарность. Но, поскольку перед тем Степан Трофимович появляется лишь мимолетно, в фильме нет пройденного им на протяжении романа пути от осмеяния к состраданию и сочувствию. Омар Шариф, играющий старика Верховенского, произносит хорошие, прочувствованные слова, за которыми по существу нет того, что развернулось от начала к концу романа: нет прозрения, нет осознания впустую и бестолково прожитой жизни и своей собственной причастности к явлению бесов. История становится слишком простой.

Вообще весь финал, чересчур театральный пожар, излишне красиво снятые погорельцы, несколько манекенные трупы Лебядкиных, слишком (да простится мне такой упрек) одухотворенные Лиза и Степан Трофимович — отчасти смазывает цельное и острое впечатление от фильма. Но, пока «Бесы» остаются фильмом о революционных бесах (чем, по замыслу сценариста и режиссера, в первую очередь и являются), картина и отлично поставлена, и отлично сыграна.

Одна из самых замечательных актерских работ, наряду с ролью Шатова в исполнении Радзивиловича, — Петр Верховенский (Жан-Филипп Экоффе). Вот кто ни секунды не позволяет себе оказаться на шахматной доске — он шахматист, он разыгрывает партию. Все его реакции, все внешние проявления полностью подчинены его целям: он предстает перед нами то

униженным, то высокомерным, то обаятельным, то угрожающим, то таинственным конспиратором, то рубахой-парнем, душа нараспашку. Впрочем, весь фильм великолепно сыгран — в обоих смыслах: игры и сыгранности, — и это еще одно его отличие от сегодняшней французской кинопродукции, где за исполнением ролей первого плана нередко забывают об ансамбле. У Вайды прекрасно сыграны и эпизоды, и массовки: проводя значительную часть съемок в Польше, он снял множество польских актеров (например, в крохотной роли капитана, восклицающего: «Если Бога нет, то какой же я капитан?» — появляется Тадеуш Ломницкий). Тем более позаботился он об ансамбле первоплановых ролей — и особенно из «лагеря бесов». Не перечисляя всех, назовем лишь наиболее запоминающиеся роли: Шигалев — Филипп Шамбон, Лебядкин — Владимир Йорданов, Мария Шатова — Изабель Юпер, акушерка Виргинская — Божена Дыкель.

Между тем вся сила романа — в диалогах, а сыграть неустанные диалоги не так-то легко. У Вайды они сыграны с неслабеющим напряжением, драматической убедительностью и силой. Достаточно вспомнить сцену, которая в романе носит название «У наших».

«Бесы» Вайды — не исторический фильм, хотя в нем удивительно достоверно воспроизведены и атмосфера русского провинциального города прошлого века (кстати, малыми средствами: несколько интерьеров, несколько городских пейзажей), и типы русских революционных бесов. У Анджея Вайды вообще свои отношения с историей. Когда он в 1957 году снимает «Пепел и алмаз», в 1976 м — «Человека из мрамора», в 1982 м — «Дантона», а теперь — «Бесов», для него каждый раз речь идет о том прошлом, которое пустило побеги в настоящее. И в этом смысле «Бесы» Вайды — как и сам роман Достоевского — воспринимаются сегодня уже не как пророчество, мрачное предсказание, но как страшное и правдивое отражение реальности, прежде всего реальности революционного терроризма и государственной шигалевщины.

«Русская мысль» №3718, 1988

ПОЛЬСКОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО 1971–2003

В польском документальном кино есть две «школы». Первая — школа Казимежа Карабаша, выступающая за терпеливое наблюдение действительности и доверие камере; ее эстетика была предложена режиссерами во время краковского Фестиваля короткометражного фильма 1971г. и заключается в том, чтобы провоцировать действительность с целью приобрести максимум знаний о событиях и героях.

Нельзя также не вспомнить Кшиштофа Кеслёвского. Ключевое в его творчестве понятие — «нравственная ответственность камеры»; эта ценность в современном кино забыта, особенно если присмотреться к документальным теленовеллам, беспощадно паразитирующим на слабых и беззащитных героях, чаще всего детях. О «нравственной ответственности камеры» Кшиштоф Кеслёвский писал еще в своей дипломной работе «Документальный фильм и действительность». Его интересовало, как далеко может зайти режиссер-документалист, передавая максимум информации, но не нанося ущерба своему герою. Он очень рано понял, что невозможно сделать документальный фильм о том, что в жизни человека важнее всего, ибо это слишком интимно, чтобы раскрываться перед камерой, — разумеется, если уважаешь героя.

Кеслёвский уважал своих героев, никогда не осмеливался переходить границу их интимности, часто опасался, не зашел ли он слишком далеко, например, когда ему удалось снять, как плачет Ромек Москаль — герой фильма «Первая любовь»: такова была реакция этого паренька на известие о рождении дочки. Кеслёвский чувствовал себя ответственным за своих героев, сознавал, насколько глубоко они раскрывались перед камерой, и поэтому долго не соглашался показать по телевидению фильм «С точки зрения ночного вахтера»: он не хотел обидеть своего героя — службиста вплоть до абсурда, человека, пытающегося приводить в порядок всё и всех. Режиссер хотел заклеить явление, а не конкретного человека.

В 1971 г. на Фестивале короткометражных фильмов в Кракове произошла уже упомянутая «смена караула» в польском

документальном кинематографе.

Режиссеры, представлявшие «краковскую школу»: Богдан Косинский (1922), Марек Пивовский (1935), Марцель Лозинский (1940), Кшиштоф Кеслёвский (1941), Томаш Зыгадло (1942), Кшиштоф Градовский (1943), — не были какой-то поколенческой общностью, их объединял лишь интерес к новому способу съемки документальных фильмов. Вместо социологического описания они предлагали провоцировать или реконструировать действительность, чтобы прийти до самой сути интересующего их явления. Не доверяя камере и создаваемому ею образу, они обогатили документальные фильмы высказываниями героев. Они выступали за использование легких камер, позволяющих записывать звук полностью. Близки им были сатира и гротеск. Они требовали от кинематографистов политической ангажированности и публицистического накала, а не «уравновешенного взгляда». Приучая зрителей к новым темам и новым способам повествования, представители «краковской школы» подготавливали почву для «кинематографа нравственной тревоги».

Победителем краковского фестиваля в 1971 г. стал фильм Богдана Косинского «На рельсах». А на международном конкурсе первую премию получила «Неполная средняя», картина студента Лодзинской киношколы Томаша Зыгадло. «На рельсах» отражает условия существования железнодорожных рабочих низшей категории — мужчин и женщин, ремонтирующих железнодорожное полотно. Косинский еще не осмелился «провоцировать» действительность, он лишь пристально наблюдал, сосредоточившись прежде всего на женщинах: выполняя сугубо мужскую работу, они не выдерживают, не верят ни в то, что эта работа имеет смысл, ни в то, что их судьба изменится к лучшему, ни в любовь — какой рабочий заинтересуется «товарищем по лопате»? Композиция фильма «На рельсах» построена на контрасте. Большую часть фильма составляют серые картины перенаселенных, вызывающих клаустрофобию бараков, где живут ремонтники. И вдруг финал, представляющий подобие церемонии побудки железнодорожных рабочих: рассвет еще не наступил, а железнодорожный сторож бьет железным прутом по стенам бараков, и титр «Конец». «Неполная средняя» — это уже фильм, возникший в результате «провоцирования» действительности, фильм жестокий, ибо Зыгадло показал, как дети приспособляются к функционированию среди них

подлиз и доносчиков, обнажил механизмы воспитания, действующие в сообществе трусов.

«Краковской школы» не было бы без Марека Пивовского, в картинах которого элемент «провоцирования действительности» присутствовал еще во время работы над учебными этюдами. Когда Лодзинскую киношколу посетил Кирк Дуглас, Пивовский пригласил его принять участие в хэппенинге-вестерне. Затем, вопреки запрету, он заснял все это на пленку, назвал «Кирк Дуглас», послал на Международный кинофестиваль в Амстердаме (1967) и завоевал «Гран-при». Подобным же образом он снял свой первый документальный фильм «Пожар, пожар, наконец-то что-то происходит...», а затем первый художественный — «Рейс» (1970).

Кинематографисты, выступавшие за то, чтобы изменить поэтику польского документального кино, вывели на экран «говорящие головы». Марек Пивовский сумел прекрасно использовать этот аспект поэтики новых документальных фильмов. В его фильмах видишь одно, слышишь другое. Специфический смысл (и ценность) его фильмов вытекает из контраста между изображением и звуком.

«Штопор» — это перемежающиеся кадры, снятые на торжественном заседании (вероятно, инсценированном) «в честь» спирто-водочной промышленности, и в клинике для невротиков и душевнобольных, где лечатся алкоголики. На кадры с тихо угасающими жертвами белой горячки наложен голос деятеля, разглагольствующего о повышении производства алкоголя ради обогащения государственной казны.

А вот «Hair» («Волосы») — на первый взгляд, невинный отчет о проходящем в Варшаве международном конкурсе парикмахеров. Банальные кадры с моделями простецкой внешности идут на фоне раздражающего клацания ножниц и речи ошибающегося ведущего, сообщающего о «сближении мастеров ножниц государств лагеря в борьбе за мир и социализм».

Творчество кинодокументалиста Кшиштофа Градовского служит интересным примером использования новых выразительных средств для рассказа о том, что ассоциируется скорее с «черным документом», чем с Польшей 70-х годов. Напомним, что «черный документ» — это течение в польском кино, начавшееся с фильма Ежи Хоффмана и Эдварда Скужевского «Внимание, хулиганы» (1955). Польские

кинематографисты наконец могли снимать фильмы о проблемах, существовавших в социалистическом обществе (другое дело, что часто эти фильмы напоминали пропагандистские плакаты, однако начало было положено), которое в конце концов призналось в существование такого бедствия, как хулиганство.

У Кшиштофа Градовского была страсть к исследованию всевозможных патологий. Его фильм «Бессердечие» (1970) — это история о том, как бросили, забыли и обрекли на голодную смерть старушку, которая воспитала своих внуков и воистину не ожидала, что растит чудовищ. Режиссер прекрасно объединил аскетические кадры с безжалостными высказываниями внуков, рисующихся перед камерой.

Настоящие мастера новой формы — это Кшиштоф Кеслёвский и Марцель Лозинский. «Первая любовь» Кеслёвского — это история Романа и Яди, которые чрезвычайно рано созрели, из детей превратившись в родителей. И вот мы видим борьбу этой пары с превратностями судьбы: отсутствие жилья, остракизм по отношению к беременной школьнице, вмешательство милиционера, ибо они живут без прописки, — так и выглядело «провоцирование действительности». Кеслёвский поручил своему ассистенту включить там, где требовалось, совместное чтение книги о физиологии беременности — книгу подсунул им режиссер. Мы видим врача, предлагающего сделать аборт — из-за возраста девушки, видим свадьбу, наконец, роды, снятые с полным уважением к женскому телу, и слезы очень юного отца, уже упомянутые в начале данного очерка. Кеслёвскому удалось невозможное, то, во что сам он не верил. Снимая фильм о вступлении во взрослую жизнь, он сделал документальный (!) фильм о любви, никого при этом не обидев, уважая достоинство своих героев и доверяя зрителям.

И картина «С точки зрения ночного вахтера» тоже появилась не в результате терпеливого наблюдения за действительностью, но путем инсценировки под высказывания героя — вахтера Мариана Осуха — событий, идеально иллюстрирующих и его взгляды, и то, как он выполняет свои обязанности. Кеслёвский подверстал изображение к закадровому звуку. Мариан Осух мог бы сказать о себе «Государство (полицейское) — это я». Крайне редко можно встретить человека, столь добросовестно выполняющего свои рабочие задачи: контроль на воротах, совершенствование в том, чтобы не допустить вынос товара с территории; а после работы — охота на влюбленные парочки, прогульчиков, длинноволосых подростков в парке. Мариан

Осух комичен, его примитивные рассказы о том, как он следит за порядком на предприятии и за его стенами, вызывают смех. Однако смех застревает в горле, когда осознаешь, что, как пишет Миколай Яздон в своей работе «Документальные фильмы Кеслёвского»: «Эта страсть преследовать других точно характеризует героя на фоне его времени, когда повсеместны были вторжения, обыски и избиения представителей оппозиции, совершаемые по подсказке и при участии сотрудников спецслужб».

В свою очередь, инсценировка события, которого не было, но которое могло произойти, стала основой композиции и режиссуры фильма Марцеля Лозинского «Лобовое столкновение». Лозинский сделал фильм о железнодорожнике, у которого не было торжественных проводов на пенсию, так как перед самым уходом на пенсию он стал виновником железнодорожной аварии. Церемонии проводов и в самом деле не было, но в фильме она состоялась. Впрочем, режиссер вовсе не скрывает, что она поставлена. Но настоящего мастерства в «инспирировании действительности» Лозинский достиг в картине «Как жить». Снимая фильм о летнем отдыхе, организованном Союзом социалистической молодежи Польши для молодых супружеских пар — информация об этом была в сценарии, — режиссер по существу хотел обнажить механизмы того, как группа реагирует на «непокорного». Лозинский поместил в такой лагерь супружескую пару — Барбару и Анджея Розхиных, которые должны были играть супругов, не желающих подчиняться диктату распоряжений и абсурдных конкурсов. И вновь действительность включилась в игру, причем до такой степени, что «непокорному» Розхину даже коллективно намяли бока.

На примере всего лишь этих четырех фильмов можно увидеть различия в трактовке действительности у Кеслёвского и Лозинского. Кеслёвский «провоцировал» действительность — проводя подлинных героев через конкретные события, которые наверняка могли бы с ними случиться. Лозинский «программировал» действительность — он помещал запрограммированного героя в определенную среду, и тот вызывал реакцию прочих персонажей.

В двух фильмах, относящихся уже к более позднему периоду творчества Лозинского, «89 мм от Европы» (1993) и «Все может случиться» (1995), таким запрограммированным героем был младший сын режиссера Томек Лозинский. В обеих этих картинах режиссер решился использовать ребенка, ибо ребенок вполне естественно задает вопросы о самом важном, а фильм

«Все может случиться» — это как раз картина о самом важном: о любви, страхе, смерти, одиночестве. Здесь нет ни капли дешевой сентиментальности, эмоционального шантажа — маленький мальчик ходит по парку и задает гуляющим трудные вопросы.

К направлению фильмов, называемому «краковской школой», относятся картины, снятые в 1971–1980 гг. Все началось с премий фильмам «На рельсах» и «Неполная средняя», а заканчивается фильмом Ирены Каменской «Работницы».

Режиссера заинтересовали женщины, работающие на лодзинской прядильной фабрике, где мало что изменилось со времен «Земли обетованной» Реймонта, ну разве что навязчиво внушаемые героиням лозунги о том, как много сделал (и делает) социализм для улучшения женской доли.

1980 год — знаменательный год для польской кинодокументалистики. Именно тогда режиссеры-документалисты разочаровались в возможностях (может быть, мне следовало бы написать «в невозможностях») документального кинематографа. Именно тогда милиция изъяла у Кеслёвского пленку, снятую на Центральном вокзале. Снимался фильм «Вокзал», а режиссер констатировал, что он уже не может справиться с киноматериалом, так как не может обеспечить своим героям безопасность. Вмешательство милиции было вызвано подозрением, что на пленку засняли преступника, скрывшего в потайном месте на вокзале вещественную улику.

Это было не первое вмешательство репрессивных органов в съемочные планы Кеслёвского. Во время их совместной с Томашем Зыгадло работы над фильмом «Рабочие-71: Не решать о нас без нас» у них по приказу госбезопасности выкрали пленки с высказываниями рабочих, но ничего страшного не случилось, так как пропали записи только с самыми невинными словами, теми, которые одновременно были записаны на кинопленку. Фильм «Рабочие-71» должен был стать документальной записью умонастроений польских рабочих после декабря 1970 го. Кеслёвский и Зыгадло снимали забастовки в Гданьске, Щецине, Эльблонге. Однако фильм так и не был закончен. В результате давления партийных органов телевизионный продюсер смонтировал верноподданническую версию, назвав фильм «Хозяева». Какова была реакция авторов? ««Хозяева» — омерзительный ублюдок этих наших «Рабочих». Смонтированный на телевидении из наших материалов, но без нашего согласия, наполовину короче, обычный фильм на производственную тему. Симфония труда,

из которой следовало: мы поддерживаем, вот и все. Мы пили и плакали», — вспоминает оператор Яцек Петрицкий, много лет сотрудничавший с Кеслёвским.

Но все же, как оказалось, труд и энтузиазм Кеслёвского и Зыгадло не пропали даром. В 1980 г. Анджей Зайончковский и Анджей Ходаковский сняли ставший легендарным фильм «Рабочие 80» — запись событий августа 1980 го на Гданьской судовой верфи: молитвы, усталость и энтузиазм. Авторы фильма «Рабочие 80» предложили новый способ повествования: без инсценировки, без постановки. Фильм вышел на широкий экран — впрочем, это было одним из требований октябрьского съезда кинематографистов. Но кинотеатрам, где разрешили показывать фильм, запрещали использовать название — правда, публика и так знала, что скрывается за информацией «спецпоказ».

В 1980 г. у Марцеля Лозинского тоже украли материалы, которые затем были показаны в теленовостях. Лозинский работал в то время над картиной «Наука демократии», героями которой были два студента Варшавского университета: один — активист официального Союза польских студентов, а второй — Независимого союза студентов. В знак протеста режиссер так и не закончил работу над фильмом.

«Краковская школа» отличалась не только тем, что революционизировала способ создания документальных фильмов и предлагала новые темы. Нельзя не отметить той роли, которую сыграла «новая смена» в подготовке зрителя к кинематографу «нравственной тревоги», повествовавшему иначе, скромнее, правдивее.

Наконец, если бы не «краковская школа» и один из ее создателей, Войцех Вишневский (г.р. 1946), который ждал премьеры своего первого фильма «Рассказ о человеке, который выполнил 552 нормы труда» (1972) до 1981 года, не было бы и «Человека из мрамора» Анджея Вайды (1977).

Вишневского объединяло с «новой сменой» прежде всего то, что инсценировка признавалась допустимым средством при создании документального фильма. В то время как его коллеги снимали фильмы, что называется, «здесь и сейчас», он решил делать фильмы о людях, которых социализм когда-то использовал, а потом выбросил на свалку. Он осмелился делать фильмы об обманутом поколении. Бернард Бугдол, герой «Рассказа...», — шахтер, передовик, герой, который пошел на рекорд вовсе не из желания побить какие-то нормы, но от сознания, что Польше необходима каждая тонна угля. При этом

он был очень одиноким человеком; использованный пропагандой, он стал потом никому не нужен.

70 е годы — это полный энтузиазма период «провоцирования» действительности с целью запечатлеть на пленке законы, правившие действительностью в ПНР. Это было время, когда верили, что кинематографист может исправить мир. В 80 е уже никто не пытался исправить мир, каждый лишь документирует то, что творилось вокруг. Документальные фильмы, снятые в то время, отличаются от картин, сделанных в предыдущее десятилетие. Нет больше ни программирования действительности, ни смонтированного противопоставления образа и звука, зато есть скромные истории о конкретных людях, есть показанная с пиететом повседневность. Взять хотя бы награжденный в 1986 г. в Кракове фильм Анджея Чарнецкого «Крысолов», рассказ о часовых дел мастере, который во вне рабочее время занимается травлей крыс, и это занятие увлекает его значительно больше, чем тонкая работа с часовыми механизмами. Однако когда в фильме звучат слова: «Надо истреблять вожakov», — зритель понимает, что режиссер хотел показать вовсе не блеск и тени дератизации.

Документальные фильмы, снятые в 80 е, полны метафор и политического подтекста. Кинематографисты не могли позволить себе открыто критиковать методы борьбы с оппозицией, наглядно демонстрировать жалкую повседневность, поэтому они пользовались благодеяниями метафоры, особенно в визуальном плане: зрительный образ гораздо труднее подвергнуть цензуре, чем звук.

Безысходность, основная тема документальных фильмов, снимавшихся в то время, особенно ярко отражена в фильмах о женщинах, причем как о жертвах, так и о функционерах загнивающей системы. Героинями фильма «Изо дня в день» (1988) Ирены Каменской стали сестры из Силезии, которые в течение сорока лет разгружают кирпич. В этом фильме мало говорят, преобладает зрительный ряд: на первом плане — работающие пожилые женщины, а за ними — лозунги: «Труд — Благосостояние», «Социализм для людей и с помощью людей», «Трудись честно и добросовестно — станешь героем».

«Белая дама» Кшиштофа Квинты (1981) — это рассказ о 68 летней Викте, которая десятки лет приходит на работу к шести утра и до восьми вечера занимается гашением извести. Героиня «Страсти» Божены Гарус (1983) — женщина-милиционер, куда более фанатичная в исполнении своих обязанностей, чем ее коллеги.

В 1982 г. Магдалена Лазаркевич сняла фильм «Служба». Вместе с героиней фильма, проводницей, работающей на маршруте Пилава—Сохачев, зритель совершает монотонное путешествие в темном, пустом, неизвестно кем управляемом поезде, идущем в никуда.

Несколько иной взгляд на военное положение у Марии Змаж-Кочанович; не без ее помощи в польский документальный фильм вернулись ирония и чувство юмора. «Каждый знает, кто за кем стоит» — это рассказ о ПНР и военном положении с точки зрения... профессионального стояльца в очередях. «Я — мужчина» (1985) — шуточный рассказ о мужчине, профессиональном «активисте», подвизающемся даже в... Лиге женщин.

Однако документальное кино 80 х — это не только картины с политическим подтекстом. Это и фильмы, снятые художниками, стоящими особняком, которые решили посредством кино документалистики говорить об универсальных проблемах.

В 1985 г. Лешек Восевич снял «Дело Германа-истопника», фильм о человеке, который топил печи в ставке Гитлера. Это сделанный с невероятным изобразительным мастерством и формально усложненный (герой запретил снимать свое лицо и записывать голос, поэтому понадобилось особое кадрирование, а голос истопнику одолжил Тадеуш Ломницкий) кинорассказ о живучести человеческого организма, о том, что человека не так легко уничтожить. Этот кинодокумент давал понять, чем займется режиссер в своих художественных фильмах «Корнблюменблау» и «Цинга», где героями будут люди, прошедшие гитлеровские и советские лагеря, но ни на минуту не потерявшие веры в то, что они выживут.

Анджей Титков в 80 е годы тоже снимал фильмы, которые стали его специальностью и опознавательным знаком, — это операторски отточенные портреты польских писателей. В его фильмах «По памяти» (1983) об Анджее Бурсе, «Прохожий» (1984) и «Совсем немалый апокалипсис» (2002) о Тадеуше Конвицком, «Красивый двадцатилетний» (1986) о Мареке Хласко, «И скажешь — есмь» (1994) о Юлиане Стрыйковском, «Это я, Антоний» (1998) об Антонии Слонимском заметен темперамент Титкова-поэта, а не только искусственного документалиста.

В 80 е годы было известно, какие темы можно затрагивать, а каких лучше не касаться, как играть с цензурой, как ускользать от политического нажима и избегать намеков властей. В 1989 г.

в одно мгновение все эти затруднения перестали существовать, и польские документалисты поняли, что можно снимать фильмы обо всем. За исключением больших прокатных фирм: в 1997 г. по иску фирмы «Амвей» суд запретил показ на польском телевидении фильма Генрика Дедерки «Добро пожаловать в жизнь», рассказывающего о методах функционирования этой фирмы.

И как же выглядит польское документальное кино после 1989 го?

Польские документальные фильмы всегда отличались от того, что снимали в остальном мире. В 60 е годы зарубежные режиссеры восторгались возможностями легких переносных камер и съемками «вживе» перемен, приносимых контркультурой, — в это время Казимеж Карабаш («Год Франека В.», 1967) и Владислав Слесицкий («Человеческая семья», 1966) предлагают пристально взглянуть в отдельно взятого простого человека. В 70 е мировая кинодокументалистика переживает кризис — у нас «краковская школа» и расцвет талантов: Кеслёвский, Зыгадло, Лозинский. В 80 е в мировом документальном кино снимаются эссе на тему возможностей документалиста, а поляки создают полные метафор политические фильмы. А 90 е годы? Мир уже пережил увлечение телевидением как продюсером документальных фильмов, а в Польше телевидение лишь теперь открывает, что документальный фильм может привлечь новых зрителей. Итак, с одной стороны, документальное кино получило шанс функционировать в неизвестном прежде месте, а с другой — авторам документальных фильмов пришлось понять, что существует такая вещь, как зрительский интерес, рейтинг. И именно этим пытаются оправдать тот факт, что среди фильмов, снятых в 90 е, много картин о смерти, старости, нищете, алкоголизме, о семьях токсикоманов. Однако если заботой об этом рейтинге можно объяснять (но уж наверняка не оправдывать) показ по телевидению документальных теленовелл, повествующих о несчастных, с неудавшимися судьбами героев — как приятно смотреть на чью-то трагедию, сидя в тапочках на диване и попивая чаек, — то создание документальных фильмов на трудные темы связано с озабоченностью тем, что творится на польских улицах и в польских домах, а вовсе не с попыткой побить рекорд в рейтинге. Документалисты отмечают то, что другим портит пейзаж, не подходит к образу современной Польши, разрушает иллюзию жизни в стране, где у всех есть работа, все любимы и чувствуют себя в безопасности. На

создание «тяжелых» кинодокументов вдохновляет сама жизнь.

Если бы не алкоголизм, убивающий жителей бывших госхозов, Эва Божецкая никогда не сняла бы фильм «Аризона». Если бы не факт существования бездомных — не взялась бы за съемки фильма «Они».

Если бы дети из варшавского района Шмульки прошли в свое время процесс ресоциализации, Гжегож Пацек не сделал бы картину «Я — плохой». Заслуживает внимания то, каким образом режиссер работал со своими героями. Он отдал им свою цифровую кинокамеру и попросил их снять фильм о себе самих. Всему процессу он лишь тактично сопутствовал, не вмешиваясь ни в постановку, ни в затронутые темы; например, не помешал детям замучить лягушку и скрупулезно это снимать. «Я — плохой» — это фильм жестокий, откровенный и ужасающий, задающий зрителю вопрос: можно ли еще помочь таким детям?

Если бы во всех семьях царили любовь, терпимость и доверие, Мартин Кошалка не выставил бы на всеобщее обозрение (кое-кто писал — принес в жертву кинокамере) свою собственную мать и себя — вечного студента, неудачника, делающего долги и эксплуатирующего родителей-пенсионеров, даже не взялся бы за работу над фильмом «Я такого чудесного сына родила». После премьеры режиссера обвиняли в отсутствии чуткости и эксплуатации собственной матери. Надо отметить, что, во-первых, мать режиссера согласилась принять участие в фильме и даже отнеслась к нему как к аутотерапии — как она сказала в финале. Во-вторых, о чуткости Мартина Кошалки пусть свидетельствует тот факт, что два следующих фильма — «Именины» и «Развитие» — он посвятил людям, отвергнутым обществом, обездоленным пациентам дома социальной опеки, к которым отнесся с величайшим уважением.

К счастью, польских документалистов интересует и нормальное состояние. Например, Катажину Мацейко-Ковальчик, автора фильма «Бенек Блюз»: его герой — Бернард (Бен) Добровольский, прикованный к постели инвалид, живущий с таким же беспомощным отцом в тесной квартирке, но при этом знаток марочных духов и женской красоты, которую он обожает (и умеет) фотографировать. Оптимизм внушает и фильм Мартина Соложа «Мой сын Ромек», прекрасный фильм о любви, о немолодом человеке, который заботится о своей больной матери.

Рассказывая о польских документальных фильмах последних десяти лет, нельзя не отметить картин, авторов которых интересует прошлое. И далекое, и то, которое мы прекрасно помним. «Фотолюбитель» Дариуша Яблонского (1998) — это фильм о том, как экономно расходовал деньги Третий Рейх. В 1997 г. в одном из антикварных магазинов в Вене обнаружили пленки со снимками из лодзинского гетто. Это были материалы фирмы «Агфа», которыми пользовался бухгалтер предприятия «Гетто Литцманштадт» Вальтер Геневайн, делая свои снимки. Это сообщение натолкнуло Яблонского на мысль рассказать о Катастрофе с экономической стороны. Ожившие на кинопленке подлинные снимки времен оккупации (наложенные на фотографии сегодняшней Лодзи) сопровождаются чтением расчетов Геневайна относительно того, сколько стоит содержание одного еврея в гетто и сколько тот приносит прибыли, а также комментарием достоверного свидетеля событий того периода, выжившего еврейского врача Арнольда Мостовича.

Анджей Малец, автор документальных фильмов «Тихая пристань» (1995) и «Мать неизвестного солдата» (2000), тоже охотится на прошлое. Его интересуют прежде всего жертвы политических конфликтов. Герой «Тихой пристани» — человек, который после войны в возрасте 17 лет вступил в ряды вооруженного подполья и принес присягу, что будет выполнять смертные приговоры, вынесенные коммунистам. Он исполнил 30 приговоров; выйдя из подполья после амнистии в 1956 году, он завел семью, поступил на работу в прозекторскую. Его история послужила режиссеру поводом рассказать о том опустошении, какое производит в человеке общение со смертью. «Тихая пристань» не оставляет зрителю никакой надежды, ничего не щадит. Это печальный, впечатляющий фильм о погружении в собственную ненависть. И совершенно иная картина — «Мать неизвестного солдата». Малец рассказывает о матерях русских солдат, разыскивающих тела своих сыновей, погибших в Чечне, показывает их бесконечные хождения от одного бюрократа к другому и отчаянную борьбу за реабилитацию их детей, зачастую обвиненных в дезертирстве. Режиссер сделал фильм о самом бескорыстном чувстве, о том, которое связывает мать и ее ребенка. Малецу удалось сделать то, чего когда-то достиг в «Первой любви» Кшиштоф Кеслёвский: он сделал документальный фильм о любви.

Прошлое интересует и Мацея Дрыгаса. Мировую славу принесла ему картина «Услышите мой крик» (1991), реконструкция самоубийства Рышарда Сивеца, который в знак протеста

против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. совершил акт самосожжения во время праздника урожая на стадионе Десятилетия в Варшаве. Дрыгас отыскал восьмисекундную запись этого события на киноплёнке, сделанную операторами Польской кинохроники, и подверг ее монтажной обработке. Он получил подлинную и поразительную картину поступка человека, обреченного на забвение. В своем следующем фильме «Состояние невесомости» (1994) режиссер заинтересовался последствиями, которыми грозит человеку покорение космоса. «Состояние невесомости» — это высказывания советских космонавтов. Дрыгас не дает никакой оценки, не клеймит позором систему, которая относится к людям как к послушным подопытным объектам, — он как будто скорее восхищается своими героями. В 2002 г. Мацей Дрыгас снял «Голос надежды», фильм о польской редакции радиостанции «Свободная Европа». Он прослушал более шести тысяч пленок с записями передач радиостанции. Встретился с бывшими работниками глушилок, с журналистами, сотрудничавшими со «Свободной Европой», и теми, кто ее слушал. «Голос надежды», как и «Услышите мой крик» и «Состояние невесомости», — картина чрезвычайно изящно сделанная с формальной точки зрения. Визуальный ряд построен на съемках, которые осуществлялись как профессионалами, так и любителями, а звуковым рядом служат особо препарированные, «заглушенные» фрагменты передач «Свободной Европы». Фильмы, поставленные Мацеєм Дрыгасом, объединяет не только пиетет по отношению к теме и формальная изысканность, но прежде всего тот факт, что в каждом своем герое он умеет разглядеть человека: неважно, кто это — тот, кто протестовал против вторжения в Чехословакию в 1968 г., советский космонавт или работник глушилки.

Подобное умеет делать и Ежи Моравский, автор фильма «Секретные пленки ГБ» (2002). Моравский решился снять фильм о съемках фильма, используя найденные в 2001 г. оперативные материалы госбезопасности, чтобы рассказать о польской оппозиции в 70-е годы. Сделанные тогда кадры, в которых мы видим Яцека Куроня, Лешека Колаковского, Тадеуша Мазовецкого, комментируют их авторы: оператор, монтажница, звукооператор. Ежи Моравский видит в своих героях, бывших сотрудниках органов, людей, которые продали свой талант власти. Автор фильма никого не демонизирует, он подтверждает грустную истину о том, что на страже системы стояли вовсе не какие-то садисты и выродки, а обычные, рядовые граждане, для которых преследование ближних было способом заработать на жизнь. И именно это наводит ужас.

Рассказывая о фильмах, авторы которых пытаются истолковать или просто показать прошлое, следует непременно упомянуть фильм Марии Змаж-Кочанович «Поколение-89», чрезвычайно удачную попытку показать молодого интеллигента во время перелома 1989 г., и позднее.

«Поколение-89» — это картина о варшавских интеллигентах, родившихся в конце 60 х, вступавших во взрослую жизнь в 80 е, устраивавших забастовки, создававших студенческую оппозицию, активистов созданного вслед за «Солидарностью» Независимого союза студентов, о людях, чьи имена сегодня ассоциируются с деятельностью в области журналистики или политики, с работой в бизнесе или рекламе. Автору фильма прекрасно удалось запечатлеть отстраненность и... иронию, с которыми ее герои вспоминают о прежней оппозиции, а их рассказы о «нелегальщине» напоминают скорее воспоминания о юношеских выходках. Никто и ничего тут не мифологизирует. Собеседники Марии Змаж-Кочанович честно признаются, что им удалось прекрасно устроиться в новой действительности, что их нередко поражала огромная масса возможностей получить хорошую работу и что многое тогда зависело от того, что ты оказался в нужное время в нужном месте, а вовсе не от твоей подготовки и трудолюбия. Фильм «Поколение-89» снят в динамичной поэтике. Особенно захватывает монтаж, подчиненный фразам известного и значимого не только для этого поколения произведения ансамбля «Культ» под названием «Польша». Мария Змаж-Кочанович создала удивительно свежий и очень искренний документальный фильм. За неполный час ей удалось поразительно метко и интересно рассказать о тех, кто совместными усилиями творил новейшую историю Польши.

Теперь надо лишь подождать, чтобы кто-нибудь захотел рассказать об их младших товарищах, которым повезло немного меньше.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Анализируя самоощущение поляков после лет перемен — а когда я пишу свой обзор, как раз исполняется 15 лет с начала переговоров «круглого стола», в ходе которых было достигнуто соглашение между коммунистической властью и оппозицией, — Павел Спевак в статье «В нашем доме: две Польши» («Res Publica нова», 2004, №1) пишет:

«Польша по-прежнему остается страной, где реализация жизненных шансов в представлении людей связана с системой, а не с поведением отдельного человека. (...) Ответственность как за свою неспособность и лень, так и за свои незаслуженные поражения мы возлагаем на общественный и государственный порядок. Мы охотно обвиняем государство (систему) в существующей бедности, безработице, низких доходах, мошенничестве, коррупции, а одновременно от того же государства-системы требуем снять с наших плеч бремя ответственности. Укрепляется одна лишь уверенность, что образование, т.е. долгосрочное капиталовложение, в целом представляет собой успешный способ социального и экономического продвижения».

И то еще хорошо — в первые годы перемен молниеносные карьеры хорошо пристроенных и сравнительно молодых недоучек скорее укрепляли уверенность, что образование не слишком полезно. С другой стороны, государство за эти 15 лет систематически уменьшало затраты на образование — это классический синдром «политического мышления»: перед нами тот тип капиталовложений, которые возвращаются через долгое время, а в предвыборных кампаниях не окупаются. Отмечаю это, так как к воплю о необходимости всеобщего образования наконец начинают прислушиваться, чему служит доказательством рассмотрение этого вопроса в необычайно интересной книге журналиста Томаша Лиса «Что с этой Польшей?» (в опросе одного из еженедельников о возможных кандидатах на пост главы государства автор книги занял второе место после Иоланты Квасневской, жены нынешнего президента).

Между тем рассматриваемая Польша начинает делиться на две страны. Павел Спевак пишет:

«Один из важных факторов, определяющих состояние нашего коллективного самоощущения — нарастающее у очень многих людей чувство социального расслоения. (...) Наше общество мы склонны видеть через крайности. Биполярный образ (есть лишь два полюса и почти ничего посередине) соединяется при этом с общераспространенным убеждением, будто общественная игра всегда кончается со счетом 1:0, т.е. когда выигрывает одна группа (например, политики, лихие люди, предприниматели и т.п. — победителей называют по-разному, и это довольно интересный вопрос), а другая проигрывает. (...) Отсюда рождается представление, что пути социального продвижения довольно ограничены и тот, кто родился в бедности, так в ней и останется. (...) При таком представлении лекарством против социальной несправедливости оказывается разветвленная система распределения. Мы с большей неприязнью, чем литовцы, украинцы, не говоря уж о народах Западной Европы, относимся к экономическому либерализму и полноте рыночных свобод. Мы ценим важность конкуренции, однако ждем от государства контроля над предприятиями и разветвленной системы социального обеспечения. (...)

Генеральный критический подход к государству и системе становится тем сильнее, чем больше мы снимаем с себя ответственность за государство, видимо, считая, что от нас и так мало что зависит, или же полагая, что вне зависимости от того, кого мы выбираем, модель общественной жизни все равно не изменится. Только 30% граждан заявляют о своем интересе к политической жизни и политике. (...) Каждый двухсотый человек в Польше декларирует принадлежность к какой-либо добровольной организации, в то время как в западных странах — каждый второй. Всего 5% граждан принадлежат к религиозным организациям, что ставит нас наравне с самыми обмирщенными странами, такими, как Франция и Великобритания. (...) Вероятно, в этом случае мы имеем дело с классическим заколдованным кругом: чем меньше мы участвуем в политике, чем хуже наше мнение о политиках, чем меньше мы чувствуем свое влияние на решения властей (особенно центральных), тем меньше мы разбираемся в официальном мире, тем фантастичнее и нереальнее выдвигаемые нами мнения и претензии. (...)

Непростым представляется и наше отношение к демократическому строю. Правда, 78% граждан считают, что демократический строй — лучший из возможных, но в то же время 72% опрошенных отождествляют демократию с нерешительностью, 60% утверждают, что этот строй не справляется с охраной порядка, 72% — что демократия ведет к

слишком большим раздорам. (...) Почти 80% опрошенных считают, что на правительстве лежит ответственность за экономику, безработицу, социальное обеспечение, просвещение, состояние культуры. Характерна, с этой точки зрения, иерархия ценностей. На первом месте стоит охрана порядка в стране (50%), далее следуют торможение роста цен (30%), влияние на решения правительства (16%) и только в самом конце — свобода слова (4%). Как показывают сравнительные исследования, наш отбор ценностей формировался совершенно противоположным образом до падения коммунизма, когда особенно высоко ценилось все, что связано со свободами. Многие показывают, что материальные ценности играют в нашем обществе ключевую роль, а на долю нематериальных или «постматериальных» выпадает мало понимания».

Пожалуй, все-таки не совсем, если в дальнейших рассуждениях социолога мы читаем:

«Интересно, что поляки, несмотря на сильную и нарастающую ностальгию по ПНР, не желают возвращения реального социализма. Они решительно высказываются против всякой диктатуры, или так называемого правления сильной руки. Однако альтернативу демократии видят. Целых 87% граждан считают, что желательна была бы какая-то форма технократии, при которой власть находилась бы в руках экспертов, так называемых беспартийных специалистов. Этот выбор свидетельствует о доверии к науке, знанию, но прежде всего показывает, какая выросла неприязнь к тому, что называют партийным кумовством или некомпетентностью».

Подводя итоги, Спевак пишет:

«В таких обстоятельствах верно поставленным кажется ключевой вопрос: обладает ли нынешняя система прочным фундаментом, легитимизирующим ее, — независимо от того, какими бы критическими ни были или могут быть оценки, даваемые отдельным политическим группировкам, находящимся в данный момент у власти; независимо от уровня удовлетворенности или неудовлетворенности политическим классом и общего доверия к институту государства? Ответ на этот вопрос остается открытым, но я скорее счел бы, что как раз в силу того, что в целом мы одобряем демократические идеалы (или точнее — не видим хорошей и реальной альтернативы демократии), наше критическое отношение к тем или иным правительствам, решениям властей, принимаемым законам не преобразуется в общий идейный или конституционный кризис. В этом смысле

можно сказать, что наступила консолидация системы. Ее институты, решения, идеалы прочны, хотя премьер-министры, министры, воеводы шатки».

Отражается ли такое самоощущение поляков в том образе страны, который они создают? На этот вопрос стремится ответить на страницах субботнего приложения к газете «Жечпосполита» (2004, №32) Матеуш Вернер в статье «Сила в слабости»:

«Скажем откровенно: в мире не существует никакого создаваемого нами образа Польши. За последние годы мы не выработали никаких позитивных ассоциаций, связанных с нашей страной. Политический капитал «Солидарности» и «бархатной революции» растрочен, и мы не смогли заменить его ни туристическим ландшафтом (море, горы и Мазурские озера), ни миражем экзотических нравов (например, «Гость в дом — Бог в дом»), ни хотя бы банальным символом модернизации (на что прекрасно способны, например, эстонцы). Похоже, что трудности, на которые мы наталкиваемся в попытках создать такую образную стратегию, в меньшей степени вытекают из финансовых или организационных недостатков, чем из присущей нам психологической блокады, не позволяющей со спокойной душой хвалиться коллективными успехами и громко говорить о чувстве национальной гордости. Это видно в публицистике, в поведении политиков, не говоря уже о типично польской разговорной речи. Мы — чемпионы по сетованиям и самокритике, виртуозы посыпания головы пеплом и художники пессимизма. Там, где нам следует похвалить себя как целое, мы впадаем в замешательство, притворный стыд. Похвала самим себе с трудом и смущением раздается из уст наших авторитетов и мыслителей: как-то это по-простецки и пахнет национальной манией величия. Что любопытно, эта трудность наблюдается и у спецов по маркетингу (...). Оказывается, даже те, кто профессионально продает картинки разнообразных продуктов и глазом не моргнет, выхваляя всяческие стиральные порошки, — как только дело доходит до того, чтобы придумать графически интересный логотип, цепкий и остроумный девиз, которыми мы могли бы убедить мир, что «поляки — отличные люди, а Польша — лучшее место под солнцем», теряют присутствие духа и предлагают безопасные банальности, от которых сами зевают. За этим крайне удивительным положением дел, которое уже скоро дорого нам обойдется (кто себя не рекламирует, тот исчезает), на мой взгляд, стоит мыслительная конструкция, которую я готов назвать «проклятием популяризированного

Гомбровича». (...) Предложенная Гомбровичем цепкая формулировка польской культуры как «несформированной» и «низшей» подхвачена архипольской сектой самобичевателей как еще один снаряд в обстреле национальной мании величия и зарубежного польского самодурства. (...) Так-то вот, из литературной полемики, родился пресловутый «польский комплекс», законодатели которого уже много лет вбивают нам в головы, что наша культура, хоть по духу и европейская, принадлежит к периферийным территориям, озаменованным хронической «незрелостью», да что там, она попросту хуже и ниже развитой, зрелой культуры Запада».

Вернер предлагает вернуться к концепции Гомбровича, но очистить ее от упрощений популяризации:

«Гомбрович эту «низшую» и «незрелую» польскую культуру (...) понимал как равноценную и конкурентоспособную в сравнении с культурой сознательной, внутренне окрепшей и строго отшлифованной традициями сытых и в спокойствии процветающих народов Запада. Это была не аутотерапевтическая риторика комплексующего провинциала, но всерьез брошенный лозунг: сделаем силу из своей слабости. Польский комплекс по отношению к Западу вытекал из двух молчаливо предполагаемых посылок: во-первых, из простой зависимости между уровнем развития цивилизации и качеством культуры, а во-вторых — из уверенности, что вектором этого развития определяется авангард современности и прогресса, представляемый Западом. Обе эти посылки Гомбрович подверг сомнению. (...) Кроме того Гомбрович уже предчувствовал готовившийся в Европе конца 1960-х резкий отход от модернистской рациональности, который позднее принял боевое имя постмодернизма. В конъюнктуре усталости от цивилизации он усматривал шанс для периферийных и несколько варварских народов, которые, правда, выполнили не все задания по цивилизации, зато располагают опытом, о каком старая Европа уже забыла или какого фактически не пережила: с одной стороны, метафизического ощущения безосновательности отношений между людьми, вытекающего из всем известной шаткости и текучести культурного образца, а с другой — опыта тотальной войны и коммунизма.

Речь, разумеется, идет не о том, чтобы эпатировать парижских буржуев красотой восточной дикости — как это с успехом делают некоторые русские (...). Речь идет о том, чтобы дать понятие о стиле бытия, выработанном именно здесь, на периферии цивилизации, в то же время включив сюда то

особое приключение, которое случилось на наших глазах с человеком XX века. (...) Для европейского знания о себе наше свидетельство тем более значительно, что новые возможности понимания самих себя не утратили своей познавательной легитимизации».

Польское искусство, по мнению Вернера, неспособно использовать эти возможности и рассказать польскую историю:

«Когда я наблюдаю самое молодое польское искусство (за похвальным исключением молодого кино), у меня возникает впечатление, что оно стремится скорее сравняться, нежели выделиться. Это стратегия, ведущая к локальному успеху: стать ньюйоркцем или парижанином в Варшаве. (...) Впрочем, я пишу это не в порядке осуждения, ибо глобальная гонка за синхронизацией эстетических мод, приведением палитры, шкалы и тем к единообразию уже давно вышла за пределы поп-культуры, захватив то, что когда-то называли высокой культурой и что сегодня в большей своей части напоминает отрасль, администрируемую трансконтинентальным Меценатом. Трудно сегодня нападать на молодых художников за их конформизм. Но искусство, порожденное подобными расчетами, хотя бы и совершенное с точки зрения мастерства, не покоряет мир. Оно его усыпляет. И это скверно. Образно говоря, то, какую модель отношений с Европой мы выбираем, воплощаясь в роль непослушного или хоть бы даже прилежного ученика либо пламенного любовника, зависит от нашей самооценки. А она, что важно, обратно пропорциональна евроэнтузиазму, словно погоня за Европой — это на самом деле бегство от самих себя, от бедной, запущенной, плохо управляемой страны с заурядной, вторичной культурой. Такого Европе внутри своей семьи заведомо не нужно, и под этим углом зрения ожидать от нее действительного уважения было бы не простым недостатком реализма, а чистым безумием».

Что же сказать по поводу всего этого? Пожалуй, лишь то, что автор не открывает ничего нового, но говорит то, что стоит повторять. Что существует незаметная, но прочная зависимость между языком искусства и способностью создавать суверенное гражданское общество, сила которого состоит в способности самоорганизации снизу в рамках неправительственных начинаний. Ибо как писал Милош:

«Может ли отсутствие чувства формы, наблюдаемое в языке и словесности, быть причиной упадка какой-либо страны? Не отсутствие чувства формы как следствие упадка, потому что

это было бы слишком просто, а наоборот. Только тогда вопрос приобретает всю свою ядовитость».

И, может быть, все-таки не всё так плохо, как описывают публицисты: в польской поэзии таится что-то, что кажется мне не только заслуживающим внимания, но и увлекательным.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Еще в ноябре прошлого года в польской печати появились объявления о том, что Музей Варшавского восстания обращается с просьбой предоставить ему документы, фотодокументы и др. материалы, касающиеся трагических дней Варшавы (1 августа — 2 октября 1944): людей и событий. Это был последний этап акции, начатой еще в 1981 году. Сейчас уже известно, что музей разместится в здании бывшей трамвайной электростанции. Закончился архитектурный конкурс на проект внешнего вида музея и конкурс на концепцию экспозиции. «Авторам этого проекта, — сказала член жюри проф. Дарья Наленч, — удалось восстановить атмосферу Варшавского восстания. Он дает возможность создать музей, который будет не только распространять знания, но и волновать, вызывать эмоции. Он соединяет традиционную экспозицию повстанческих документов с аудиовизуальными методами — благодаря этому он может быть близок как самим повстанцам, так и молодежи». Открытие назначено на 1 августа 2005 года. Тем временем в Государственные архивы поступило самое большое собрание документов на эту тему от частного лица. Даритель — участник Варшавского восстания, доктор гуманитарных наук Ян Гоздава-Голембиовский. Он собирал эти документы сорок лет, а среди переданных бумаг есть, в частности, приказ по Армии Крайовой о начале операции «Буря», главной частью которой было Варшавское восстание.

• В Варшаве скончался Александр Малаховский, в прошлом замечательный журналист и публицист, а после 1989 г. — политический деятель, вице-маршал Сейма 2 го созыва, депутат и маршал-сениор Сейма, один из лидеров «Унии труда», из всех польских партий наиболее верной принципам социализма.

• В архитектурном конкурсе на варшавские здания первую премию по разряду общественных зданий получила резиденция издательской фирмы «Агора», ажурная конструкция, полная бамбуковых рощиц и открытых террас, где растут отечественные деревья, цветы и травы. Первое место в плебисците читателей «Газеты выборчей» и звание

«Любимца Варшавы» получил «танцующий небоскреб», выложенный бежевым травертином, а названием своим обязанный изогнутому дугой фасаду. В конкурсе участвовало 144 здания и строительных коллективов.

- По решению телезрителей, в финале «Еurovision» этого года Польшу будет представлять группа «Blue Cafe» с песней «Love song».

- Самой популярной пластинкой зимнего сезона среди серьезной музыки, вероятно, станет диск, где польский пианист Кристиан Циммерман, лауреат Шопеновского конкурса 1975 г. и создатель Польского фестивального оркестра, записал на фирме «Дойче граммофон» концерты Рахманинова. «Запись Циммермана гениальна, — пишет Яцек Гаврылюк. — Не надо усматривать успех нового диска только в техническом и производственном совершенстве. Пианист показывает, что нельзя взять и просто так сыграть концерты Рахманинова, — их надо пережить. Это и есть гвоздь нового исполнения».

- Шопеновский диск записал один из лучших молодых польских пианистов Петр Андершевский, считающийся «вторым после Циммермана». Как считают специалисты, «это крупный сюрприз для почитателей таланта Андершевского, ибо музыка Шопена до сих пор находилась вне поля интересов пианиста. Почему? В разговоре с «Дужим форматом» он, в частности, сказал: «Мазовецкий пейзаж, березы, ивы, Желязова-Воля, воскресный японско-шопеновский концерт, китч, дешевка, стандарт... я говорю о чем-то совершенно другом, о каком-то коллективном подсознании. Шопен интуитивно и просто гениально уловил и выразил квинтэссенцию польского духа, и в этом есть нечто действительно прекрасное, возвышенное, гордое и в то же время скромное. Зато нет ничего общего с тем, что проделывают в Польше с Шопеном... Попросту неприлично так дурно с ним обращаться»».

- «Трудно поверить, но нашелся такой вопрос, по которому наш Сейм нынешнего созыва высказался единогласно, даже без воздержавшихся. Это было постановление объявить 2004 год Годом Витольда Лютославского», — написала в «Политике» Дорота Шварцман. В этом году исполняется 10 лет со дня смерти композитора, который, по ее выражению, «силой своей личности почти гипнотизировал музыкальные круги».

- «Для одних — маг сцены и один из самых выдающихся театральных режиссеров. Для других — создатель претенциозных спектаклей, единственная тема которых — он сам, — пишет о Ежи Гжегожевском Роман Павловский. — С

самого начала своего пути он ускользает от определений. Живописец или режиссер? Сценограф или постановщик? (...) Гжегожевский никогда не любил толпы. Основой его спектаклей были лучшие произведения польской и мировой литературы, которые он деконструировал — и конструировал наново, по-своему». Этому режиссеру был посвящен просмотр в Национальном («Народовом») театре в Варшаве, во время которого были показаны его постановки пьес Ружевича, Гомбровича, Выспянского и Шекспира. Одновременно проходила театроведческая конференция и состоялась премьера документального фильма о Гжегожевском, поставленного известным скульптором Ежи Калиной. Тадеуш Ружевич написал: «Гжегожевский начертил в так называемой действительности заколдованный круг, в который поместил свою картину мира. Со временем меловой круг театра Гжегожевского превратился в заколдованный шар. Этот шар, полный необычайных грез, образов и звуков, кружит по небу и аду польского театрального искусства».

- Театральные премии газеты «Жечпосполита» присуждены актерам Марте Липинской и Яну Матыяшкевичу, а также режиссеру Ярославу Килиану.
- В этом году исполняется пять лет со дня смерти Ежи Гротовского, создателя «Лаборатории», теории которого в свое время революционизировали театр во всем мире. «Лаборатория драмы» — название студии, созданной при варшавском Национальном театре. Ее работой руководит драматург и режиссер Тадеуш Слободзянек (о его драматургии и фрагменты его пьесы «Сон Клопа» — см. «Новую Польшу», 2003, №9). «Лаборатория» действует в двух направлениях: первое — читка новых пьес, второе — их постановки, лучшие из которых войдут в репертуар основной сцены. Главная цель «Лаборатории» — предоставить театральные подмостки современной польской драматургии. Первой премьерой здесь была «Коронация» Марека Модзелевского, врача-рентгенолога одной из варшавских больниц.
- Директор Силезского театра в Катовице Генрик Барановский участвует в московском фестивале «Золотая маска» с музыкальной драмой Альфреда Шнитке «Жизнь с идиотом», которую он поставил в Новосибирском театре оперы и балета.
- ««Симметрия» Конрада Невольского — кинофильм, у которого есть свой внутренний двигатель. (...) Простота его обманчива. Идя за героем, мы попадаем в этическую ловушку и невольно приходим к выводам, с которыми не можем согласиться», — пишет о первом фильме Невольского Тадеуш

Соболевский. А режиссер прибавляет: «Я предпочитаю исходить из того, что мир плох, что перевес зла огромен. Это парадокс: чтобы быть действительно хорошим, надо быть хорошим на сто процентов, а одного процента зла хватает, чтобы стать плохим. (...) Одни найдут в этом фильме добро и сострадание, другие — агрессию, зло. Для меня это картина о любви, для других — о самосуде. Одни выходят из кинозала растроганные, другие — стиснув зубы, ибо увидели себя малыми, слабыми, плохими». На Фестивале польских художественных кинофильмов в Гдыне «Симметрия» получила премию журналистов.

- Своеобразный зрительский рекорд — в среднем 4 млн. зрителей во время передачи каждой серии — поставил детективный сериал «07, отвечай», снятый во времена ПНР. Он опередил все новейшие детективы (такие, как «Экстрадиция» или «Свора»). Катажина Вайда из Института визуальных искусств при Ягеллонском университете видит причину в содержащейся там тактике «подспудного убеждения» и в образе самого героя сериала, поручика Боровича — человека с непростой биографией и человеческим характером. Она пишет: ««07, отвечай», хотя в нем немало стереотипов, показывает действительность 70–80 х гг., по крайней мере ту, которую можно было показать. (...) Сегодняшний интерес к сериалу объясняется ностальгией по ПНР. В данном случае имеет значение еще и уверенность, что ПНР была безопасной страной. (...) Это пээнеровская сказочка о более безопасном, более простом мире». И апофеоз недоинформированности зрителей.

- Журнал «Art & Business» опубликовал рейтинг польского искусства. В категории «важнейшие современные художники» первое место занял Роман Опалка, а следом за ним — Мирослав Балка, Магдалена Абаканович и Тадеуш Кантор. В категории «наиболее заслуживающие внимания художники младше сорока» на первом месте — Моника Сосновская, за ней — Мартин Мацеевский и Вильгельм Сасналь. «Незаслуженно забытые художники» — это Владислав Хасиор, Ежи Калущкий, Ян Свидзинский, а «переоцененные» — Ежи Дуда-Грач, Францишек Старовойский и Игорь Митора.

- Монументальные скульптуры Игоря Митора совершают триумфальное турне по Польше. После Познани и Кракова они доехали до Варшавы, где несколько монументальных каменных фигур поставлены на Замковой площади, а часть экспозиции размещена в залах Станиславовской библиотеки Королевского замка.

- После краковского успеха выставка произведений Тадеуша Маковского прибыла в Сувалки. В здешнем Окружном музее выставлено около ста картин, в том числе несколько самых популярных («Детская капелла», «Сапожник», «Скупой»).
- «Из истории полек», выставка в варшавском Театральном музее, — это как бы дополнение к выставке «Автопортрет поляков», которая некогда произвела фурор в Польше и за границей. Вереницу знаменитых полек открывает св. Кинга (†1292), жена князя Болеслава Стыдливового, а завершает известная альпинистка, бравшая вершины Гималаев Ванда Руткевич (†1992). «Героини выставки, — пишет Моника Куц, — изображены на портретах, фотографиях, а также представлены произведениями искусства, костюмами, утварью и курьезами (...) Иногда возникают смешные соседско-светские столкновения. Раздражает также сопоставление произведений живописи с современными заурядными портретами героинь прошлого. Но несмотря на спорные моменты это важная выставка».
- В 125-ю годовщину со дня рождения Казимира Малевича в варшавском Национальном музее открылась выставка «Супремус Казимира Малевича». На ней выставлена картина «Супрематизм. Беспредметная композиция» (1916) из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Показ картины Малевича — первая после 1927 г. (когда художник недолго был в Польше) возможность непосредственной встречи с творчеством, которое сыграло огромную роль в развитии супрематизма. Картина на варшавской выставке сопровождается экспозицией документов об истоках супрематизма и о некоторых событиях из жизни художника, прежде всего связанных с Польшей. Сюда относятся: история семьи, фотографии варшавской выставки Малевича 1927 г. и некоторые теоретические тексты, написанные на ломаном польском языке. Открытие выставки стало началом Дней Казимира Малевича в Варшаве, проводившихся в рамках культурного проекта «Варшава — Москва». Прошла научная конференция, посвященная творчеству художника, показ советских и польских фильмов о художнике, внеочередной концерт Квартета им. Бородина в зале Национальной филармонии и, наконец, представление публике и прессе книги Казимира Малевича «Стихи и тексты» в переводе Адама Поморского и Агнешки Любомиры Пётровской. «В собранных здесь текстах, — написано во вступлении к книге, — великий художник, один из создателей современного искусства, являет свой иной облик. Это радикал-анархист и модернистский визионер, который ищет материал «самоцельного» искусства

во всем пульсирующем энергией космосе, в силах техники и вселенском творчестве органического мира (...) Эстетика ляпсуса празднует здесь триумф индивидуальности над художественными и политическими приоритетами».

- «Продолжавшийся 15 лет нелегкий период в российско-польских отношениях уже позади», — заявил Денис Молчанов из министерства культуры РФ. Он был одним из тех, кто приехал в Польшу, чтобы подготовить участие российских писателей в 49 й Варшавской международной книжной ярмарке, почетным гостем которой в этом году будет Россия. «В Варшаву приедут свыше ста издателей и не менее двух десятков известных русских писателей, например Виктор Пелевин и Виктор Ерофеев, — пообещал российский заместитель министра. — Мы хотим также, чтобы они побывали в других городах». Еще до ярмарки намечено подписать договор на 2004–2005 гг., направленный на расширение культурного обмена.

- В варшавском Клубе книгопродавца прошел вечер, посвященный выходу книг Гжегожа Вишневского «Станислав Монюшко и его оперы в Петербурге» и «От Пушкина до Михалкова. Музы столиц России». Вечер проводился в связи с 300 летием основания Санкт-Петербурга и 35 летием творческого пути автора.

- «Если бы в Швеции у меня не было хорошего переводчика, мой сборник не обратил бы там на себя никакого внимания», — говорит об Андерсе Бодегарде лауреат Нобелевской премии по литературе Вислава Шимборская. Шведский переводчик польской литературы шумно праздновал свое 60 летие в Кракове. По такому случаю, как водится в этом городе, было немало и серьезного, и забавного. Бодегард приехал в Польшу преподавать шведский язык в 1981 году. Он уже знал русский, так что выучил польский без труда. Как многих иностранцев, его восхитил романтизм революции «Солидарности», и он взялся переводить на шведский «Этику «Солидарности»» о Юзефа Тишнера. Потом уж все пошло само собой. Он переводил «Дневник» Витольда Гомбровича, книги Рышарда Капустинского, Павла Хюлле, стихи Виславы Шимборской, Эвы Липской, Тадеуша Ружевица. «Я рад, — говорит он, — что к Дням польской литературы в Гетеборге вышла антология, включающая стихотворения 17 польских поэтов и что вместе со мной в переводе участвовали шесть моих студентов. Я могу больше ничего не делать — польская литература и так будет занимать прочное место в Швеции».

• В польской печати все еще продолжается подведение литературных итогов прошлого года. В списке бестселлеров первое место безоговорочно занял «Римский триптих» Иоанна Павла II, разошедшийся тиражом 520 тыс. экземпляров. Следующие места занимают «Польско-русская война под бело-красным флагом» Дороты Масловской, «Бабский мотив» Иоанны Хмелевской, «Дозволение на счастье» Катажины Грохоли, «Одиночество в сети» Януша Л. Вишневского, «Болгарский блокнотик» Иоанны Хмелевской, «Стишки в рифму для больших детей» Виславы Шимборской, «Красота и горечь Европы. История греков и римлян» Зигмунта Кубяка. Среди литературы факта на первом месте опять-таки книга, связанная с Иоанном Павлом II — его «Автобиография», составленная Юстиной Килианчик-Зембой. Далее следуют «Автопортрет репортера» Рышарда Капустинского, «Катарсис» Анджея Щеклика, «Дипломатическая болезнь» Даниэля Пассента. О большинстве этих книг в нашем обзоре уже говорилось. Закончить я хотела бы несколькими словами о книге, которая только что вышла и через год наверняка окажется в списке бестселлеров. Это «Город терзаний» Ежи Пильха. «В начале третьего тысячелетия жил в Варшаве один писатель, который (...) как-то с жизнью справлялся, хотя, о чем чуть дальше, с некоторыми вопросами совсем не справлялся, зато с другими справлялся лучше всех» — этим предложением начинается и кончается «Город терзаний». «Книга, — пишет рецензент «Политики», — показывает, насколько врос Пильх в столицу, и это, надо признаться, сильная сторона его произведения. Писатель сумел показать и огромный потенциал, и слабости города, его уродство и коварную красоту, западный глянец и восточный акцент, приобретенный от пришельцев. (...) ...все как будто указывает, что в начале третьего тысячелетия писатель Ежи Пильх не справляется с миром в одном принципиальном вопросе, в вопросе, с которым не справляется большинство мыслящих людей, — в том, что жизнь не приносит нам полноты жизни». И еще цитата из рецензии в «Газете wyborczej»: «О чем говорится в самой объемистой, но и наименее содержательно богатой книге Пильха? Пожалуй, о том, что сегодня существуют два мира — мир маленьких городков, где все реально, но ничего не меняется, и мир большого города, где все меняется, но нет ничего реального. Жить в первом — смешно, а во втором — страшно. Кого этот диагноз не устроит, тому придется искать другие романы».

4 марта умер один из самых высоко ценимых и — это слово будет здесь уместным — любимых поляками деятелей искусства. Он родился в 1915 году; еще до войны был диктором Польского радио. Те же обязанности он исполнял и в варшавском повстанческом радио во время боев с немцами в 1944 году. Но славу и всенародное обожание принесло ему телевидение. «Кабаре двух пожилых господ», которое Еремий Пшибора создал и вел вместе с музыкантом Ежи Васовским, несомненно было лучшей программой польского телевидения. Это была квинтэссенция остроумия, музыкального и словесного совершенства, изобретательности и шарма. Вислава Шимборская писала об этом так: «Пшибора. Мастерское соединение лирической и шуточной песни. Мастерство состоит в том, что не видно швов. Вторая радость: слова этих песен могут существовать самостоятельно — даже без очаровательных мелодий Васовского они все равно трогают и смешат». Добавим к этому, что несмотря на свой подчеркнуто интеллигентский характер (а может быть, именно благодаря ему) кабаре Пшиборы и Васовского было в ПНР оазисом фантазии для каждого. «Пожилые господа» сумели сделать то, что не удалось adeptам официального соцреализма: они показали нам мир таким, каким он должен быть — лучшим, более милым, забавным, но не чужим.

Е.П.

МЕЖДУ УРАЛОМ, ПЕТЕРБУРГОМ И КРАКОВОМ

В июне 2003 г. перед отъездом в Москву и Казань я попрощался в Кракове с петербургским религиоведом и историком философии Владиславом Аржанухиным. Слава возвращался к себе на берега Невы после года плодотворного сотрудничества с Ягеллонским университетом. Студенты Института восточнославянской филологии испытывали к нему огромную симпатию — как за авторский цикл лекций «Во что верит Россия?», так и за доброжелательность в личных отношениях. В Кракове он установил контакт с иезуитами, у которых сначала прочел лекцию о роли католической схоластики в истории русской философии Нового времени, а в мае, по приглашению о. Станислава Обирека, принял участие в дискуссии «Примет ли Россия Папу?». В дискуссии участвовали также главный редактор «Новой Польши» Ежи Помяновский и о. Марек Инглот, автор недавно переведенной на русский язык книги «La Compagnia di Gesù nell'Impero Russo (1772–1820)». Добавлю для порядка, что поводом к этой беседе послужила моя книга «Между Москвой и Римом», посвященная религиозной мысли России XIX и XX веков.

В сентябре Аржанухин планировал еще раз заглянуть в Краков, где он вместе с отцами Обиреком и Инглотом хотел организовать симпозиум о роли ордена иезуитов в культуре восточных и западных славян. Увы, это не было ему дано. В ночь на 26 июня он внезапно скончался в своей петербургской квартире. Он оставил дочь и жену, которая по воле Провидения приехала к нему в Польшу на последние три месяца. Я все еще вижу его на улицах, по которым мы вместе ходили, — на Крупничей, Шевской, Брацкой. Он был заморожен Краковом. Я с восхищением смотрел, как он настойчиво учил с азов польский язык. Он прислушивался к языку улицы, читал газеты, но больше всего времени проводил, пожалуй, в Ягеллонской библиотеке, где изучал работы о католических и православных учебных заведениях на территории бывшей Речи Посполитой Обоих Народов.

Роман Славы с Польшей начался еще в середине 90-х в Лодзи, когда проф. Анджей де Лазари пригласил его участвовать в работе над очень смелым проектом по составлению словаря

«Идеи в России». В глубинном подтексте каждой из синтетических статей Аржанухина, публиковавшихся в очередных томах этого издания, всегда присутствовала мысль, что философские и религиозные проблемы русского прошлого до сих пор имеют огромное значение в дискуссии народов и религий Восточной и Западной Европы. Он не колеблясь напоминал, что в своих лучших проявлениях русская культура Нового времени очень многим обязана культуре Западной Европы, Украины и Польши. Он писал о таких малоизвестных (даже образованным россиянам) фактах, как сильное влияние на русскую философию XVII века украинских школ, пользовавшихся программами, написанными по польскому образцу. В тексте о святоотеческой традиции в России он подчеркивал роль, которую сыграла в ее укоренении киевская богословская школа, а особенно профессора Киево-Могилянской академии.

Последняя большая публикация Аржанухина, озаглавленная «Религии Санкт-Петербурга. Культурно-исторический атлас», была издана его родным Российским государственным педагогическим университетом им. Герцена. В предисловии автор пишет: «Биография религиозных общин Петербурга является неотъемлемой составляющей его 300 летней истории. Нет нужды распространяться о том, что идеи и образы христианства — прежде всего православия, но также и католичества и лютеранства — наложили на внешний облик Петербурга неизгладимый отпечаток. Точно так же сегодня невозможно представить Санкт-Петербург без мусульманского, иудейского и буддийского храмов. Кроме визуально отмечаемого присутствия религий в культурном наследии столицы, религиозные группы вносили огромный вклад в развитие гражданской общины Петербурга». Аржанухин разбирался в этом, как мало кто в постсоветской России. Он был одним из поборников уроков истории религии в средних школах — уроков, которые велись бы по-новому, т.е. в духе уважения к разнородности и универсализму религии, а также ее роли в развитии культуры. Он говорил, что русским надо еще многое наверстать в смысле познания других наций и религий на территории самой Российской Федерации.

Впечатляющая широта горизонтов Аржанухина вытекала не только из знания истории родной страны, но и из глубокого ощущения ее географической обширности. Слава родился в Чите — городе, отдаленном от Москвы на шесть с лишним тысяч километров. Связь с востоком и западом Советского Союза обеспечивала Транссибирская магистраль. В дальнейшем судьба неуклонно вела его на запад: сначала он преодолел

тысячу километров до Иркутска, а затем еще три с половиной до Свердловска (ныне Екатеринбурга). Здесь в 1976 г. он окончил философский факультет, а через несколько лет — аспирантуру по религиоведению в Петербурге, где он поселился и начал научную деятельность. Во второй половине 90-х он много ездил по университетским центрам Израиля, Швеции, Голландии и Америки. Тем ценнее его зрелая готовность познавать Польшу и сотрудничать с нами.

Особенно занимала его проблема социальной этики и роль, которую в наше время играют в ее развитии христианские Церкви Европы. Россию — в том числе и после 1991 г. — Аржанухин описывал как общество рабов и господ. Вместе с тем он критически относился к русской Церкви, для которой партнером продолжает оставаться исключительно власть. В интервью «Гражданин вне Церкви», опубликованном Яном Стшалкой в «Тыгоднике повсехном» 24 февраля 2002 г., Аржанухин говорил: «Посреди петербургской Дворцовой площади стоит Александрийская колонна. Для меня эта площадь — метафора нашей системы: огромное пространство вымощено камнем, этот камень — народ; колонна символизирует власть. А где общество? Его нет (...) Церковь вписалась в эту вертикальную модель и, судя по всему, вовсе не желает появления нового фактора — свободного общества».

Слава связывал большие надежды с приездом в Россию Иоанна Павла II. В том же интервью он говорил: «В глазах многих русских Папа — это человек, обладающий высочайшим авторитетом (...) Большинство людей не может понять, почему между двумя Церквями царят недоверие и иррациональная неприязнь. Думаю, что визит Папы пошел бы на пользу и запуганным российским католикам, которые живут скрытно и потому кажутся среднему православному таинственной, вызывающей беспокойство группой. Благодаря приезду Папы католики стали бы смелее (...) как Церковь, достойная восхищения и доверия со стороны сограждан. Мы верим, что в конце концов Иоанн Павел II все-таки приедет в Россию, причем не только к католикам, но и к каждому из нас: к православным, атеистам, к людям, исповедующим нехристианские религии. Визит Папы вышел бы за пределы религии, став великим событием общественного значения».

Когда в начале июня я собирался в Россию, Слава сердечно приглашал меня в Санкт-Петербург. Теперь я жалею, что после Москвы и Казани у меня не хватило времени навестить друга. Откуда мне было знать, что мы уже никогда не закончим начатый в Кракове разговор?

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

С большим, к сожалению, опозданием познакомься с опусом главного редактора журнала «Наш современник» С.Куняева «Шляхта и мы» (№5 за 2002 г.), сочла своим долгом отозваться на него, поскольку автор ополчается в нем и на меня, и на редактора «Новой Польши» пана Помяновского, и на поляков вообще, искажая всю польскую историю. Не являясь специалистом по истории русско-польских отношений, не беру на себя смелость досконально проанализировать упомянутый опус С.Куняева. Но и промолчать не могу, коль скоро прямым предметом куняевских инсинуаций становится также моя публикация в «Новой Польше» (№11 за 2001 г.) отрывков из воспоминаний моего отца о его пребывании в польском плену в 1919–1921 гг., которые в 1931 г. были напечатаны в «Новом мире» (№№4 5). За что и я, и поместивший эту публикацию в «Новой Польше» г н Помяновский удостоиваемся обвинений ни мало ни много, как в «бессовестности» и даже «постыдном» «идеологическом подлоге» («Наш современник», указанный номер, с.119–126).

Начну с того, что г н Помяновский отнюдь не заказывал мне никакой «реплики» (моя публикация названа: «Реплика», к вопросу об «анти-Катыни»). Не вносил он от себя в мою публикацию и никаких поправок или сокращений. Отрывки выбирала я сама, послав свою «реплику» совершенно самостоятельно, по собственному естественному побуждению, как любой читатель, пишущий в газету или журнал, с чем он согласен или не согласен. Я была не согласна с появившимися в нашей прессе в связи с 60 й годовщиной расстрела польских военных в Катыни в 1940 г. статьями, где это известное злодеяние сталинского режима уравнивалось с положением красноармейцев в польском плену в начале 20 х годов с целью, так сказать, «нейтрализовать» катынское преступление всем перенесенным нашими пленными в «белой» Польше.

Свидетельство моего отца, побывавшего там, говорит, однако, что участь наших пленных (несомненно, незавидная!) все же не идет ни в какое сравнение — ни по обращению с пленными, ни вообще в том отношении, что этот плен не предполагал какого-либо заданного правительством истребления — с санкционируемыми сверху массовыми преступлениями, будь то Катынь, немецкие лагеря уничтожения или ГУЛАГ. В доказательство я и привела в воспоминаниях отца в основном

(подчеркиваю: в основном) примеры хорошего, сочувственного, даже иногда заботливого (!) отношения к нему со стороны польских военных и гражданских лиц.

Да, конечно, были в польском плену жестокости — и никто, ни отец, ни я в своей перепечатке о них не умолчали. И грубость («пся крев, большевик!»). И выворачивание карманов, отбирание польскими солдатами носильных вещей — вплоть до прямого мародерства. И с колотыми ранами трупы «явно не защищавших с оружием свою жизнь». Брань, зуботычины, палочные удары, даже «покалывание штыками» на работах слишком неповоротливых, нерадивых... Убийство якобы «при попытке к бегству»... И присвоение отпускаемых на содержание пленных без того не щедрых средств... Болезни... Все это читатель найдет на стр. 56–59, 61 упомянутого номера «Новой Польши». Даже то, что С.Куняев выдает за якобы злонамеренно опущенное не то мной, не то г ном Помяновским (например, замечание отца, что «на каждого вернувшегося в Россию пленного приходится двое, похороненных в Польше», «Наш современник, с.121; ср. «Новая Польша», с.59. Недосмотр?.. Или уже Ваш, тов. Куняев, неожиданный «подлог» ?...).

Но было ведь и совершенно другое, прямо противоположное! И это не какой-нибудь там случайный или не случайный «подлог», это свидетельство непосредственного очевидца, может быть, даже предвзятого, так как убежденного коммуниста. Была и просто жалость (польского капитана медицинской службы, с.57 «Новой Польши»). Возникали и «почти сердечные отношения с более снисходительным к пленным капралом» (с.58). Скудность медикаментов словно восполняло сочувственное, человеческое обращение «докторши» с моим больным отцом (с. 59). Госпиталь посещали гражданские лица, жители, снабжая больных книжками (с.60). Принимались и «кое-какие меры» для облегчения лагерного быта (там же). И, наконец, отца, пленного, выпускают в город — заниматься языком с дочкой чиновника (!)... И ее — больше, «нежели просто благожелательные» — разговоры с ним, «большевистским», «еврейским» «комиссаром»; ее предостережения против особо зловредных лагерных чинов (там же). И это, видите ли, — польская «Катынь»?..

Все дело, однако, в том, что С.Куняеву нужно совсем не это. Не объективность, которую мой отец, вдвойне «враг», потому что еще и коммунист, стремился сохранить, не оправдывая (в чем достаточно низко подозревает меня Куняев), но и не очерняя поляков (за что сам и пострадал. Не погиб в польском плену, чтобы через шесть лет [после публикации воспоминаний. —

Ред.] получить пулю в затылок едва ли и не за эту объективность, ибо в числе прочих невероятных обвинений ему, тогда ответственному работнику наркомата иностранных дел, было предъявлено и такое: шпионаж в пользу Польши). Одержимому слепой полонофобией С.Куняеву нужно только все оскорбляющее, унижающее поляков и... — тут приоткрывается его истинное лицо националиста-великодержавника — заодно также польских и российских евреев. Озлобленная полонофобия то и дело перерастает у него в не менее ожесточенный и откровенный антисемитизм. Даже уличая в нем (наравне с антирусскими настроениями) поляков, он и эту их юдофобию с лихвой перекрывает своей собственной. Трудно даже понять, с чем и кем он в первую голову воюет: с «особым польским расизмом» (с.86, здесь и дальше — страницы «Нашего современника»), то есть с исконной «шляхетской» русофобией, якобы вошедшей в «генотип» всего народа, с польскими антисемитами или нашими «полонофилами» (считай опять же: евреями). Но во всех случаях — во имя агрессивной и непререкаемой ксенофобски заостренной российской великодержавности.

Вот зачем и начинает он перелопачивать историю, ища, как бы побольней лягнуть, осмеять, уязвить «шляхту» (поляков). Оказывается, еще в Смутное время, когда, как известно, поляки хотели оттяпать пол-России, да не удалось, те, кто был, говоря современным языком, «интернирован» на севере, всё приставали к русскому начальству, жалуясь, как им плохо, хотя жили там не хуже, «чем наши военнопленные в польских лагерях... в 1919-1920 годы» (с.84). Известно и барствено-спесивое и просто зверское обращение их с белорусами «и особенно украинцами» (там же). И так было «что в XVII веке, что в конце XX го..» (с.87-88). Нравы, хоть немного и «смягчаются», а все равно «подчинены генотипу, который и в феодальные, и в пилсудские, и в демократические времена нет-нет, да и вылезет из-под благопристойной оболочки...». А разные там национальные добродетели, в том числе польское сопротивление во Вторую мировую войну — просто романтический «миф», иллюзии, раздутые поэтами, режиссерами и прозаиками, чтобы приукрасить себя и свою историю (с.101-102). И, подогревая свое презрение, автор призывает себе в помощь... кого же? Не только Пушкина, чье стихотворение «Клеветникам России» восхваляется не просто за «польский сюжет», но и как бичующее якобы вообще «сатаническую антанту всех антирусских сил Европы» (с.91). Ссылается и на других, «самых славных», деятелей русской культуры, которые-де тоже «были свободны от полонофильства» (с.90), в том числе на Л.Толстого. И его роман

«Война и мир» С.Куняев опять встраивает в свою глумливо-ожесточенную полонофобию. Но, цитируя сцену (с.106), где обожающие Наполеона польские уланы бросаются вплавь через Неман, не замечает, что сцена эта направлена именно против Наполеона, равнодушного к их действительно бесполезной, но все равно самоотверженной удали. (Кстати, не грех бы тов. Куняеву прочитать рассказ Толстого «За что?», где подлинное отношение к полякам — жертвам царской каторги и их самоотверженным женам — обнаруживается яснее ясного). Нет, что уж там: Куняев не гнушается привлечь себе в союзники и такую достаточно одиозную личность, как «незаурядный человек» Булгарин, ибо он, даже будучи сам польских кровей, не жаловал шляхты (с.95). Мало того: прибегает к «авторитету» гитлеровцев, чуть не с мстительным упоением цитируя отзывы самого Гитлера, Гиммлера и Геббельса о поляках как о «неполноценном населении», об их «расовой неполноценности» («видимо, доктор Геббельс послушал, как поляки, желая унижить русских, называют их «азиатами», «варварами», «татарами», а украинцев — «быдлом», и понял»... как «с ними должно разговаривать...» (с.88). «Так, что давно бы следовало полякам помолчать о якобы совершившемся в 1939 году четвертом разделе Польши» (с.103), ибо это — де некий «справедливый реванш» (там же), заслуженное «историческое возмездие» (с.120) за постоянные польские притязания на русские земли...

Ну, а кто же союзники этого исконного врага России у нас, так сказать, «пятая колонна»?.. Конечно же, вольные и невольные «полонофилы» (у Куняева — синоним прежде всего евреев). Он — по аналогии со знаменитым «списком Шиндлера» (или в пику ему?) — изобретает какой-то список Британишского (с.89 и др.), куда заносит имена Слуцкого, Самойлова, Рейна, Кушнера, Бродского, Эппеля и других литераторов, переводчиков с польского. Это они, вкупе с Британишским, с «Александром Пинхусовичем Межировым», с «Юнной Пейсаховной Мориц» и прочими (с.108-129) втихую, «мягко управляют» нашими «мыслями», внедряя в русское сознание предосудительные полонофильские симпатии. В своем антисемитском самозабвении С.Куняев доходит даже до того, что и катынский расстрел приписывает евреям (некоему Райхману, с.124). Впрочем, вершины это куняевское обличительство достигает в связи с расправой населения местечка Едвабне с тамошними евреями после прихода немцев в 1941 г.; с этим «польским Холокостом», которому уделяется целая глава («Холокост по велению сердца», с.110 и дальше). Невзирая на то, что сами же поляки раскрыли это злодеяние и были им потрясены, С.Куняев дает здесь полную свободу своей

полоно-, а заодно, если не больше, юдофобии. Именно здесь достигает поистине клинического накала это сочетание: полонофобии и злорадно переплетаемой с нею ненависти к польским и русским «полонофилам» и русофобам — всем этим «познерам, сванидзе и киселевым» Ведь именно по их «планам» русские должны считаться главными антисемитами!.. А тут незадача, поляки спутали карты (с.111).

Невозможно перечислить все ехидные куняевские выпады против Катюши... против Варшавского восстания... Андерса... Бальцеровича... даже Ельцина и Квасневского (с.112) — выпады, порой граничащие чуть не с призывами к погромам (ср. с.116, 120); воспроизвести сам его издевательски изощренный тон. Да и нет у меня никакого подобного желания. Хочется только задаться вопросом: и не стыдно, не совестно самому-то тов. Куняеву пытаться любой ценой навязать читателям свое зоологическое недоброжелательство, взвинтить низменные антипольские, антисемитские чувства, опять и опять раздувая костер взаимного недоверия, подозрительности и вражды между народами? Перессорить русских с поляками и евреями, Восток с Западом, очернить живых и мертвых, правых и виноватых?.. Походя, ни за что ни про что, опорочить и доброе имя редактора «Новой Польши», уважаемого человека, заслуженного деятеля польской культуры?.. Не говоря уж обо мне, посвятившей более пятидесяти лет переводу и изданию польской литературы от польских сказок до произведений Конопницкой, Словацкого, Сенкевича, Потоцкого, Тетмайера, Ожешко, Реймонта, до Жеромского, Корчака, Ивашкевича, Филиповича, Боровского, Броневского, Анджеевского и многих других.

Впрочем, разве в состоянии устыдиться человек, для кого ровно ничего не стоят людские судьбы и жизни, расстрелы, смерти, инфаркты? Кто может с таким (наигранным?) пренебрежением писать хотя бы, например, о кампании против «космополитов» в СССР?.. Дескать, пресловутое советское, гуглаговское государство — «ну что оно делало? Разогнало Антифашистский комитет, расстреляло 13 человек... пошумело... кого-то уволили, кто-то... не прошел в вуз или на повышение... Кто-то получил инфаркт, кто-то инсульт...» (с.116). И рядовые «русские люди» «ни в годы войны и оккупации, ни во времена сталинской послевоенной диктатуры, ни в эпоху безвластия на рубеже 80-90 х годов... не устроили ни одной своей Едвабны! А они ведь имели на это мстительных ветхозаветных прав не меньше, но, может быть, больше, нежели шляхта..» (там же).

Конечно, добрая воля «Новой Польши» разобраться или не разобраться глубже в злопыхательских нагромождениях тов. Куняева. Жаль только, что наших полонистов и нашу печать они, насколько я знаю, оставили почему-то безразличными и безучастными.

С искренним уважением

Н.Подольская

Москва, февраль 2004